
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2022. Том 20, № 1

Содержание

Социальная философия

- Диев В. С.* Философия управления в мире неопределенности и риска 5
- Нигоматуллина Р. М.* Этика как онтология управления 15
- Шмаков В. С.* Поляризация геокультурного пространства локальных сообществ Евразии 26
- Мисюров Н. Н.* Традиция и рациональность 37

История философии

- Смышляева Е. С.* Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше 52

Научная жизнь, полемика и дискуссии

- Петров В. В., Лбова Е. М.* Развитие виртуальной коммуникации в молодежном научно-образовательном пространстве 63
- Прись И. Е.* Физика и философия. Интервью с Томасом Шюкером 76

<i>Брызгалина Е. В.</i> Философия о цифровой версии мира: от фундамента к практикам. Рец. на кн.: Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации: Монография. М.: Проспект, 2021	99
--	----

In Memoriam

Карпович Валентин Никонович (07.02.1948 – 15.03.2022)	106
Информация для авторов	108

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2022. Vol. 20, no. 1

Contents

Social Philosophy

<i>Diev V. S.</i> Philosophy of Management in a World of Uncertainty and Risk	5
<i>Nigmatullina R. M.</i> Ethics as Ontology of Management	15
<i>Shmakov V. S.</i> Polarization of the Geocultural Space of Local Communities of Eurasia	26
<i>Misyurov N. N.</i> Tradition and Rationality	37

History of Philosophy

<i>Smyshlyaeva E. S.</i> Despotism Idea and Despotism Personality: Two Variants of Despotism in the Philosophy of K. Leontiev and F. Nietzsche	52
--	----

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Petrov V. V., Lbova E. M.</i> Virtual Communication Development in Youth Scientific and Educational Space	63
<i>Pris I. E.</i> Physics and Philosophy. Interview with Thomas Schücker	76

<i>Bryzgalina E. V.</i> Philosophy of the Digital Version of the World: From the Foundation to the Practices. Book Review: Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. The Fate of Intelligence and the Mission of Reason: Philosophy before the Challenges of the Era of Digitalization. Monograph. Moscow, Prospect, 2021	99
Valentin N. Karpovich (07.02.1948 – 15.03.2022)	106
Instructions to Contributors	

Научная статья

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-5-14

Философия управления в мире неопределенности и риска *

Владимир Серафимович Диев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

diev@smile.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-7027>

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы философии управления в современном мире неопределенности и риска. Автор считает, что знание основ управления повышает конкурентоспособность выпускников философских факультетов на рынке труда. В работе акцентировано внимание на существовании объективной неопределенности и методологическом значении этого фактора. Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет концептуально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Риск является следствием решения, и его оценка носит субъективный характер. Риск и неопределенность являются важнейшими факторами современного управления, при этом рациональность и риск не являются антиподами, а принятие решений в условиях риска предполагает сознательный и рациональный выбор. Автор отмечает, что в современном общественном сознании происходит трансформация научной рациональности, и приходит к выводу, что сегодня основой рационального подхода к принятию решений является оценка и управление рисками.

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного 4 февраля 2022 года на открытии Всероссийской научной конференции «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов», приуроченной к 80-летию юбилею воссоздания философского факультета в структуре Московского государственного университета.

Ключевые слова

методология, случайность, принятие решений, Черный лебедь, рациональность, ценности, модель выбора

Для цитирования

Диев В. С. Философия управления в мире неопределенности и риска // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-5-14

Philosophy of Management in a World of Uncertainty and Risk

Vladimir S. Diev

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

diev@smile.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-7027>

Abstract

The paper deals with the problems of philosophy of management in the modern world of uncertainty and risk. The author believes that acquaintance with the basics of management increases the competitiveness of graduates of philosophical faculties in the labor market. The paper focuses on the existence of objective uncertainty and the methodological significance of this factor. The ability to quantify the probability of the realization of possible events makes it possible to conceptually distinguish between situations of risk and situations of uncertainty. Risk is a consequence of the decision, and its assessment is subjective. Risk and uncertainty are the most important factors of modern management, while rationality and risk are not antipodes, and decision-making under risk conditions involves a conscious and rational choice. We emphasize that in modern social science there is a transformation of scientific rationality, and come to the conclusion that today the foundations for a rational approach to decision-making are risk assessment and risk management.

Keywords

methodology, probability, decision-making, Black Swan, rationality, values, model of choice

For citation

Diev V. S. Philosophy of Management in a World of Uncertainty and Risk. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-5-14

Дискуссии о пользе философии ведутся в нашей стране со времен Ширинского – Шихматова и по сегодняшний день. В рамках этих дискуссий обсуждаются вопросы о том, что и как преподавать на философских факультетах и куда пойдут работать выпускники. Мой двадцатисемилетний опыт подготовки философов в Новосибирском государственном университете говорит о том, что при-

оритетными сферами трудоустройства для выпускников являются занятия наукой и образованием. Но далеко не всем суждено устроиться на работу в академический институт или поступить в аспирантуру. Полагаю, что философское образование должно обладать не только фундаментальностью, но и практичностью. Выпускник философского факультета, наряду с занятием наукой и преподаванием, должен быть готов успешно выступить в роли специалиста в области анализа различных сфер жизни общества и его социальных институтов; консультанта управленческих структур в системе государственной власти, в бизнесе, в общественных организациях; аналитика в средствах массовой информации, службах по связям с общественностью и т. д.

Все эти сферы деятельности предполагают непосредственное участие нашего выпускника в процессах управления. Речь идет не только о государственном или муниципальном управлении, но и работе в бизнес-организациях. Например, в последние годы наши выпускники находят применение в IT-индустрии, где делают успешные карьеры. Представляется, что знание основ управления делает философское образование более практичным. Разумеется, курс «Философия управления» не может заменить специальное управленческое образование, его задача пропедевтическая: создать фундамент, прежде всего методологический, для дальнейшего овладения теорией и методами современного управления. Под философией управления буду понимать систему обобщающих суждений философского характера о предмете и методах управления, месте управления среди других наук и в системе научного знания в целом, его познавательной и социальной роли в современном обществе. В своем курсе я рассматриваю аксиологические, гносеологические и методологические основания человеческой деятельности в процессах управления. По мнению Л. Г. Сидорова: «Онтологический, гносеологический, аксиологический аспекты исследования управления должны быть дополнены социально-эстетическим осмыслением процесса научной коммуникации. Управленческая коммуникация, стимулирующая процесс творчества, выступает как произведение искусства, которое принимает форму жизни. Формируется новое – четвертое измерение научного управления» [Сидоров, 2021, с. 43]. Позицию Л. Г. Сидорова разделяю, поскольку сам давно выражал близкую точку зрения, заключающуюся в том, что при изучении управления философия может служить общим междисциплинарным основанием, позволяющим рассматривать этот феномен как единство науки, практики и искусства (см., например: [Диев, 2009]).

Современный мир часто характеризуют как турбулентный, волатильный, наполненный различными вызовами и т. п. На мой взгляд, более общей и точной характеристикой современного мира является его неопределенность. В любой

сфере человеческой деятельности неопределенность невозможно исключить из рассмотрения, и в связи с этим возникает общая проблема анализа поведения человека в условиях неопределенности, которая имеет философский и методологический характер. Неопределенность присутствует во всех серьезных задачах, связанных с человеческой деятельностью, причем это справедливо как по отношению к крупным решениям в области экономики, политики, экологии, так и к жизни отдельного человека. Не менее важно, что неопределенность является не только фактором, но и неотъемлемым атрибутом большинства управленческих решений. Неопределенность является условием нашей жизни, и необходимо учиться действовать с учетом этого фактора. Особое значение фактор неопределенности имеет в управленческой деятельности. Нередко человек принимает управленческое решение, полагая, что оно однозначно определено, но дальнейшее развитие событий показывает, что он что-то недоучел, что-то переоценил, а что-то в принципе не мог принять во внимание. Дело в том, что, выбрав одну альтернативу, он тем самым отвергает другие возможные. Как известно, трудно что-либо сказать о пути, который не выбран. Отношение человека к миру пронизано неопределенностью в той же мере, как и определенностью, подчеркнут лишь единство этих моментов.

Сегодня термин «неопределенность» широко используется в различных отраслях знания, прежде всего в экономике, управлении, психологии, социологии, политологии, его используют в математике, технике и еще в целом ряде дисциплин. Категорию «неопределенность» часто считают синонимом термина «риск» и используют их как эквивалентные. В основе такой ошибочной точки зрения лежит большой массив работ по социально-экономической проблематике, авторы которых не слишком утруждали себя точным определением этих понятий. Анализ неопределенностей является междисциплинарной проблемой, которая принадлежит сразу нескольким отраслям знаний, каждая из которых использует свои методы. В то же время ни одна из них порой не может их решить, не выходя за рамки своей парадигмы, что и приводит к необходимости философского подхода.

Дефиниции неопределенности пока отсутствуют в философских словарях, но если обратиться к экономическим, экономико-математическим, психологическим и другим словарям и энциклопедиям, то анализ этих источников показывает, что все они дают примерно одинаковые дефиниции неопределенности как недостаточности сведений, полностью или частичное отсутствие информации, неведение и т. п. Одним словом, неопределенность характеризуется как отсутствие достаточной информации, определенность же, как понятие противоположное, характеризуется наличием точной информации. Все эти определения пред-

полагают наличие субъекта, который является носителем информации. Общий недостаток подобных дефиниций заключается в том, что все они обладают методологической ограниченностью, поскольку не учитывают наличия объективной неопределенности, о которой пойдет речь далее. В первой четверти двадцать первого века эти определения по своей сути следуют концепции лапласовского детерминизма.

Одним из достижений науки двадцатого века явилось доказательство того, что существует объективная неопределенность и случайность, не зависящая от субъекта. Первоисточником объективной неопределенности, заключенной в основах материи, является мир элементарных частиц. Принцип неопределенности В. Гейзенберга является фундаментальным положением квантовой механики, согласно которому для любой частицы наблюдатель не может одновременно измерить координаты и импульс; то же относится и к другим парам так называемых канонически сопряженных величин (энергия и время, момент количества движения и угол). Не используя математических выражений, можно сказать, что если бы какому-то наблюдателю удалось абсолютно точно установить координаты квантовой частицы, то ее импульс он не смог бы установить; точно так же если ему удалось точно зафиксировать импульс частицы, то он не знал бы, где она находится. Отмечу, что принцип неопределенности связывает не только пространственные координаты и импульс – на этом примере он просто проявляется нагляднее всего; в равной мере неопределенность связывает и другие пары канонически сопряженных характеристик микрочастиц. Главным в соотношении Гейзенберга является взаимодействие между частицей-объектом измерения и инструментом измерения, влияющим на его результаты, при этом принцип неопределенности действует объективно и не зависит от присутствия разумного наблюдателя, который проводит измерения. Таким образом, неопределенность и случайность далеко не всегда являются следствиями нашего незнания.

В мире существует объективная неопределенность, и это требуется осознавать при принятии решений, но наряду с ней существуют и другие типы неопределенностей, которые также необходимо учитывать (см., например: [Диев, 2019]). Человек вынужден интегрировать различные неопределенные факторы для того, чтобы получить свою субъективную оценку имеющейся неопределенности. Остановлюсь чуть подробнее на том типе неопределенности, который получил название «Черный лебедь». Этот термин ввел Насим Талеб, который определяет такие события следующим образом: «То, что мы будем называть Черным лебедем (с большой буквы), – это событие, обладающее следующими тремя характеристиками. Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия.

В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось. Делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [Талеб, 2009, с. 10]. Что же делать человеку, когда «прилетает» «Черный лебедь»? В таких случаях Н. Талеб рекомендует сосредоточиться на последствиях, которые вы можете знать, а не на вероятности события, которую вы можете не знать: «...для принятия решений вы должны сосредоточиться на последствиях (которые вы можете знать), а не на вероятности события (степень которой вы знать не можете) – *это главное правило идеи неопределенности* (курсив автора. – В. Д.). На этом фундаменте можно построить общую теорию принятия решений. Все, что нужно делать, – смягчить последствия» [Там же, с. 340–341]. Замечу, что одной из наиболее известных моделей принятия решений в условиях неопределенности является принцип максимина, разработанный в теории игр. Согласно этому принципу каждое решение оценивается по наихудшему результату для этого решения, и в качестве «оптимального» решения выбирается приводящее к наилучшему из наихудших результатов.

Н. Талеб четко указывает, что в условиях неопределенности у нас нет оценок вероятности возможных событий, а мы можем знать только возможные последствия. Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет принципиально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Для описания этой ситуации требуется совокупность понятий: <Субъект, Решение, Вероятность, Потери>. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Рискуя, субъект выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Ключевым здесь является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя осуществлять рациональный выбор из возможных линий поведения, пока риск не оценен. Подчеркну, что риск является интегральной характеристикой, сочетающей в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и его последствий. Мое определение носит междисциплинарный характер и никак не привязано

к экономике или к какой-то другой науке. Это определение подчеркивает субъективный характер риска и его связь с решениями человека. Без принятия решения не возникает и рискованная ситуация и, следовательно, не будет и риска. Без решения нет и риска!

Полагаю, что в философии управления центральное место занимают проблемы принятия решений, поскольку они играют ключевую роль в процессах управления. Не случайно нобелевский лауреат Г. Саймон считает управление и принятие решений синонимами. Разумеется, решения принимаются не только в сфере управления, экономики или политики. Любой сознательный человек преследует определенные цели и принимает соответствующие решения, связанные с их достижением. Более того, любую человеческую деятельность без особых интеллектуальных усилий легко представить как цепочку принятия решений (см: [Диев, 2013]). Могу даже предложить такое определение: человек – существо двуногое без перьев, с плоскими ногтями, умеющее принимать решения.

Как отмечалось ранее, наряду с элементами науки в управлении существуют аспекты, характеризующие его как искусство. Прежде всего, это значимость личностного аспекта. Он присутствует во всех нетривиальных процессах управления. Интегрирование разнообразия интересов, целей, индивидуальных предпочтений и различий в процессе управления сложный и творческий процесс, требующий не только логики, но воображения и интуиции. Принятие решений в условиях неопределенности представляет собой особое искусство, базирующееся на опыте, образовании и интуиции. Виктор Пелевин очень точно сформулировал, что «люди принимают решения на основе прецедентов и опыта. Человек – это просто инструмент приложения культуры к реальности» [Пелевин, 2012, с. 165].

Еще раз хочу подчеркнуть субъективный характер риска. Легко представить ситуацию, когда два человека принимают одинаковое решение, но риск его реализации оценивают совершенно по-разному. Каждый субъект имеет свою систему целей, ценностей и оценок, и его поведение в условиях риска определяется именно этой системой, а не одинаковыми для всех логико-методологическими стандартами. Принятие решений в условиях риска требует от человека ответственности за сделанный выбор. По мнению и в терминах Н. Талеба: «Ставить шкуру на кон необходимо не только для того, чтобы быть честным, финансово успешным, управлять рисками; это необходимо для того, чтобы понимать мир» [Талеб, 2018, с. 18]. Кроме того: «Шкура на кону помогает решить проблему Черного лебедя и другие вопросы неопределенности на уровне как индивида, так и коллектива: то, что выжило, доказало, что события типа «Черный лебедь» его

не берут, если же шкуру на кон не ставить, механизмы отбора работать не будут» [Талеб, 2018, с. 49].

В условиях неопределенности и риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, и ему нужны общие методологические рекомендации для действий в этих условиях. Принимает решение, берет на себя ответственность всегда конкретный человек, личность – со всеми его сильными и слабыми сторонами. Именно этот момент служит камнем преткновения для построения универсальных моделей принятия решений, поскольку общность метода и его эффективность находятся в известном антагонизме. Отмечу, что мир неопределенности и риска задал новое видение причинно-следственных связей, аксиологических построений, аналитического моделирования и т. д. Происходит трансформация представлений о рациональности. Трудно не согласиться с Н. Талебом, который пишет, что «по определению то, что успешно работает, не может быть иррациональным; почти у всех моих знакомых, постоянно терпящих неудачи в бизнесе, есть этот ментальный блок – они не в состоянии понять, что, если что-то *глупое* работает (и делает деньги), *глупым* оно быть не может» (курсив автора. – В. Д.) [Там же, с. 50]. Трансформация научной рациональности, происходящая в современном естество- и общественном знании, находит непосредственное отражение в теории управления. Её современная интерпретация включает в себя признание неопределенности как неотъемлемого атрибута управленческой ситуации, установку на изучение процессов адаптации организации к внешней среде. Замечу, что эта трансформация описывается как на уровне философских и естественнонаучных обобщений, так и на уровне моделей принятия управленческих решений. Сегодня основой рационального подхода к принятию решений является оценка и управление рисками.

Список литературы

- Диев В. С. Управление: наука, практика, искусство // Сиб. филос. журн. 2009. Т. 7, № 4. С. 60–65.
- Диев В. С. Проблема выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 41–51.
- Диев В. С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17, № 4. С. 41–52.
- Пелевин В. О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012.
- Сидоров Л. Г. Философия управления: между наукой и искусством // Вопр. философии. 2021. № 9. С. 37–48.

Тaleb Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.

Тaleb Н. Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, 2018.

References

Diev V. S. Upravlenie: nauka, praktika, iskusstvo [Management: Science, Practice, Art]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 60–65. (in Russ.)

Diev V. S. Problema vybora i prinyatiya reshenij v mezhdisciplinarnom kontekste [The Problems of Choice And Decision-Making In Interdisciplinary Context]. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Politology*, 2013, no. 2 (22), pp. 41–51. (in Russ.)

Diev V. S. Neopredelennost', risk i prinyatie reshenij v mezhdisciplinarnom kontekste [Uncertainty, Risk And Decision-Making In An Interdisciplinary Context]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 41–52. (in Russ.)

Pelevin V. O. S.N.U.F.F. Moscow, Eksmo, 2012. (in Russ.)

Sidorov L. G. Filosofiya upravleniya: mezhdru naukoy i iskusstvom [Philosophy of Management: Between Science and Art]. *Questions of Philosophy*, 2021, no. 9, pp. 37–48. (in Russ.)

Taleb N. Chernyi lebed. Pod znakom nepredskazuemosti [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow, KoLibri, 2009. (in Russ.)

Taleb N. Riskuya sobstvennoy shkuroj. Skrytaya assimetriya povsednevnoj zhizni [Skin in the game. Hidden Asymmetries in Daily Life]. Moscow, KoLibri, 2018. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Серафимович Диев

доктор философских наук, профессор

директор Института философии и права Новосибирского государственного университета;

ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author**Vladimir S. Diev**

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor

Director of the Institute for the Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation);

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редколлегию 08.02.2022;

одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.02.2022

The article was submitted 08.02.2022;

approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 25.02.2022

Научная статья

УДК 174

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-15-25

Этика как онтология управления

Резида Масхутовна Нигоматуллина

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

nigomati@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-0402>

Аннотация

Статья посвящена обоснованию положения о том, что современное управление необходимо связано с ценностными представлениями, имеющими контекстный, пространственно-временной характер. Этика как система моральных принципов создает тот культурный базис, на котором строится управление. Показывается, что антиномия нормативной и прикладной этики актуальна для концептуализации этической основы управленческого процесса: описываются возможные современные формы нормативной и прикладной этики, применимые к современным проблемным управленческим ситуациям. Также на примере интеграции как функции управления и целеполагания (соотношения цели и средств) раскрывается этический потенциал для рационализации управленческой деятельности.

Ключевые слова

этика, управление, нормативная этика, прикладная этика, интеграция, целеполагание

Для цитирования

Нигоматуллина Р. М. Этика как онтология управления // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 15–25. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-15-25

Ethics as Ontology of Management

Rezida M. Nigmatullina

Kazan Federal University

Kazan, Russian Federation

nigomati@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-0402>

Abstract

The article is devoted to substantiating the position that modern management is necessarily associated with value ideas that have a contextual, spatio-temporal nature. Ethics as a system of moral principles

© Нигоматуллина Р. М., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 15–xx
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 15–xx

creates the cultural basis on which management is built. It is shown that the antinomy of normative and applied ethics is relevant for the conceptualization of the ethical basis of the managerial process: the possible contemporary forms of normative and applied ethics applicable to modern problematic managerial situations are described. Also, using the example of integration as a function of management and goal setting (the ratio of goals and means), the ethical potential for rationalizing management activities is revealed.

Keywords

ethics, management, normative ethics, applied ethics, integration, goal setting

For citation

Nigomatullina R. M. Ethics as Ontology of Management. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 15–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-15-25

Управление по содержанию представляет инструментально-рациональную деятельность, для которой вопросы морали, казалось бы, имеют лишь дополнительное значение «очеловечивания» научных принципов менеджмента, стремящихся к универсальности. Учебные издания по менеджменту в лучшем случае содержат раздел по прикладным вопросам этики и этикета, однако не касаются острых этических управленческих проблем, возникающих в современных условиях разнообразия социальных практик, неопределенности и социальных рисков, кардинальных антропологических сдвигов. В связи с этим важным оказывается рационалистический подход к анализу морального содержания управленческих функций, так как их реализация зависит от этического контекста конкретной управленческой ситуации. Цель данной статьи – обосновать возможность определять управление как этическую сферу.

Представление о том, что этика может заменять собой онтологию, было разработано еще Бенедиктом Спинозой. Сегодня можно констатировать возрождение огромного интереса к этой оригинальной философии Дела (А. Майданский). Б. Спиноза, создав свою онтологию, обозначил ее как Этика, под которой следует понимать не просто учение о морали, а непосредственную характеристику бытийных структур, в которых главным является действие. Практическая философия Спинозы, как ее обозначил Ж. Делез, автор самой «стимулирующей» на сегодняшний день интерпретации¹, описывает имманентный закон вещей, который выражен в категориях причины и действия. В основании мышления лежит теория действия, теория аффектов. «Этика... смещает мораль... Оппозиция ценностей (Добро-Зло) вытесняется качественным различием модусов суще-

¹ Винчигуэрра Л. Спинозистский ренессанс во Франции (1950–2000). Введение// ЛОГОС. 2007. №2 (59). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/59/02.pdf>

ствования (хорошо-плохо)»². «Спиноза не занимается моралью, – говорит Делез в своих лекциях о Спинозе, – он никогда не задается вопросом, что мы должны; он все время спрашивает, на что мы способны, что в наших силах; этика есть проблема способностей...» [Делез, 2016, с. 28]. Данный подход, по сути дела, соединяет индивидуальность действия и всеобщую причинность как выявленную закономерность. Управленческое действие имеет ту же этическую природу: любое решение связано с действиями и их последствиями, прогнозировать которые является профессиональной компетенцией субъекта управления.

А. Гусейнов писал, что «Этика и мораль имеют собственный хронотоп, свою современность...» [Гусейнов и др., 2000, с. 5], и это положение нам кажется важным для понимания значения этики для управленческой реальности. В данном высказывании А. Гусейнов разделяет общественные нравы, изменяющиеся во времени и моральные принципы, обладающие практически инвариантным содержанием. Но нам кажется уместным продолжить эту мысль и акцентировать внимание на том, что хронотоп этики и морали задает хронотоп и современность конкретным управленческим отношениям. Например, соотношение стратегических и тактических ориентаций в принятии решения имеет моральную характеристику, которая может заключаться в преобладании в сознании субъекта одного из модусов времени, выборе ответственности перед прошлым, или настоящим, или будущим.

Этико-онтологические предпосылки управления следует рассматривать в сложной связи практической, временной части морали и вневременных моральных принципов. Данное положение также подкрепляет и теоретическая позиция выдающегося исследователя моральной философии О. Дробницкого. Он указывает на антиномию суждений: мораль имеет практическую значимость, описывает практическую целесообразность, и целеполагание имеет этическую ценность. И одновременно существует особое нравственное долженствование, не сводимое к принципам общественной целесообразности. Можно сказать, что это антиномия «условности, функциональности и утилитарности моральных предписаний и безусловности, самодовлеемости и самодостоверности нравственных законов» [Дробницкий, 2002, с. 96].

Какие функции менеджмента указывают на то, что управление можно называть этической сферой? В данной статье мы выделим функцию интеграции и функцию целеполагания.

² Делез Ж. Спиноза. Практическая философия. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2018. С. 35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/spinoza_philosophy.pdf

В первую очередь, моральным содержанием управленческой деятельности становится интеграция, она может выступать как самостоятельной целью, так и средством для получения определенных результатов. Спиноза пишет о положительном сочетании тел, фактически описывая интеграцию действий индивидуумов. «С точки зрения природы или Бога, всегда есть komponующиеся связности и нет ничего, кроме связностей, которые komponуются в соответствии с вечными законами»³. Указание на законы порождает детерминистскую интерпретацию учения Спинозы, но его детерминизм особого рода. Б. Г. Кузнецов пишет: «природа развивается таким, а не иным образом, потому что такова ее внутренняя структура. Детерминизм теряет связь с идеей внешнего принуждения; причина может состоять во внутренней природе объекта: от треугольника, говорит Спиноза, никто извне не требует, чтобы сумма его углов была равна двум прямым углам. В этом отсутствии внешних импульсов, в этом имманентном воздействии природы на самое себя состоит свободная причина, *causa libera*» [Кузнецов, 2018, с. 134]. В теории управления есть положение о сильной и слабой организационной культуре, они различаются степенью интегрированности, однако разумно предполагать, что объединение людей в организации или социуме будет тем более долговременным и крепким, чем более сознательным окажется их собственный выбор.

Имманентность моральных законов – это определяющий тезис в обосновании этического характера сферы менеджмента. Этика как система моральных принципов создает тот культурный базис, на котором строится управление. Каковы моральные принципы, которыми питаются управленческие отношения, таково и качество этой сферы.

Следует остановиться на уточнении понятия этика. С одной стороны, этика традиционно понимается широко, охватывает область культуры или общества в противовес природе. Так, уже софисты предлагали понимать мораль не как естественное природное явление, а как то, что присуще человеку и его культуре, а значит, имеет относительный характер. Кроме того, вплоть до XX века социальная философия определялась как моральная философия, как наука, которая описывает нравы общества и человека. У английских и французских просветителей «моральное» чаще подразумевает сферу духовного вообще, и она противопоставляется сфере физического. Очевидно, что и управление может быть предметом моральной философии как искусственная, нормативная сфера, связанная с волей и выбором человека.

³ Делез Ж. Спиноза. Практическая философия. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2018. С. 54. [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/spinoza_philosophy.pdf

Однако определение предмета управленческой этики в широком смысле является проблемой далеко не простой. Во-первых, не все нормы и ценности носят моральный характер и могут принадлежать области нормативной этики. Во-вторых, в сфере менеджмента особенно проявляется порядок, в котором практические решения во многом не зависят от теоретических положений, тем не менее даже в этом случае взаимосвязи современных науки и практики могут кардинально отличаться от традиционных подходов. Так, Аристотель этику не относил к сфере теоретического знания, считая, что она более подходит сфере политической мудрости, стремление к счастью как высшей цели он трактовал как больше психологическое условие формирования добродетели⁴. Однако сегодня нельзя утверждать, что счастье это только практическое, ненаучное понятие. Ученые разрабатывают различные методики его измерения, создают индексы счастья, которые предназначены комплексно оценивать объективные характеристики общества⁵. Они исследуют «значимость в постиндустриальной экономике феномена счастья как цели государственного управления и критерия оценки его эффективности с точки зрения политиков, экономистов, социологов, психологов» [Шматова и др., 2015, с. 141–162].

Несмотря на то что необходимость моральной теории в такой практической области как менеджмент подвергается сомнению, в управленческой рефлексии используются традиционные формы нормативной этики: натурализм, утилитаризм, интуитивизм. Тем не менее возможны новые подходы, отвечающие на вызовы современной науки. Так, А. И. Бродский обращает внимание на интуиционизм – одну из математических программ XX века, которые создавались для преодоления кризисного противоречия между объективизмом и релятивизмом, и утверждает, что она имеет прямое отношение и к этике. Такая интуиционистская (конструктивистская) математика и этика «схожи по крайней мере в одном: объекты обеих дисциплин не являются “метафизическими сущностями” и не существуют в реальности подобно физическим объектам... В этике, как и в математике, “существовать” означает “быть построенным”» [Бродский и др., 2000, с. 155–156]. Интересен предлагаемый критерий существования применяемых математических или моральных норм – их «выполнимость». Причем речь долж-

⁴ См.: Бродский А. И. Нормативная этика. От объективизма к конструктивизму // Этическая мысль. Ежегодник Ин-та филос. РАН, 2000. Вып. 1. С. 148–159.

⁵ См.: Журавлев А. Л. Счастье как научная категория // Вестн. рос. акад. наук. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723; Чепурных М. Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69; Шматова Ю. Е. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162; Экономика счастья [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2006. № 4. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/5242/>.

на идти не только о возможности осуществления этой нормы, но и согласованности с другими существующими нормами. Такая нормативно-конструктивистская теория согласовывается с ситуативной этикой и ситуационным подходом в теории управления.

С другой стороны, применительно к отдельным специализированным сферам, таким как управление, можно говорить о прикладной этике. Ее значение нам видится, в частности, в том, что сферой ее интересов является создание баланса между корпоративной (организационной, деловой) этикой, институализирующейся в разнообразных этических кодексах и моралью, предполагающей выходы за рамки функциональности. Инновационным предложением в этой области можно считать проблемно-ориентированный подход В. И. Бакштановского, который разрабатывал технологии «креации этического знания»⁶ Это знание должно, по замыслу исследователя, предоставлять агенту любой профессиональной сферы инструменты рационального обоснования морального выбора, удержания баланса между требованиями организации и индивидуальным смыслом своей работы.

В любом случае этика подразумевает рефлексию деятельности участников управленческих отношений и ее (деятельности) отдельных элементов. Так, например, одним из ключевых объектов управления являются организационные конфликты. Их можно психологизировать, переводить на межличностный уровень взаимоотношений, но современность как хронотоп морали как раз и определяется тем, что личностные взаимоотношения уже не являются ключевыми. Здесь проявляется другой способ существования моральных отношений: их реализация в организационных коммуникациях, рациональность которых будет выстраиваться через их структуру и конфигурацию, а не определяться по отношению к идеальным конструкциям. Очевидно, что это область прикладной этики, в которую можно включить моральную ответственность менеджера за оптимальную организационно-функциональную структуру в его сфере обязанностей.

Когда мы говорим об управленческих отношениях, мы имеем в виду, что они сознательно устанавливаются для организации достижения определенной цели. Рефлексивная процедура, с помощью которой строится процесс целеполагания, включающий соотношение цели и средств ее достижения, также отсылает нас к моральным принципам.

⁶ Бакштановский В. И. Прикладная этика как проектно-ориентированное знание // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iphras.ru/em_15_2.htm

Приведем пример разных этических подходов к проблеме соотношения целей и средств на примере текстов Дж. Дьюи и Ж.-П. Сартра, написанных как отклик на статью Л. Троцкого «Их мораль и наша»⁷. Здесь сопоставляются как изменяющиеся во времени общественные нравы, так и моральные принципы, обладающие практически инвариантным содержанием. В статье Л. Троцкого классовая мораль противопоставляется «общеобязательным правилам морали». «Так называемые “общепризнанные” правила морали сохраняют по существу своему алгебраический, то есть неопределенный, характер. Они выражают лишь тот факт, что человек в своем индивидуальном поведении связан известными общими нормами, вытекающими из принадлежности к обществу. Высшим обобщением этих норм является “категорический императив” Канта. Но... этот императив не содержит в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания». [Троцкий и др., 1992, с. 219]. Л. Троцкий называет «пустотой» состояние общеобязательных норм, характеризуя его как недостаток. Можно сказать, что Троцкий предпринимает этическую критику морали, «набиравшую обороты» с середины XIX века, в традициях Маркса и Ницше, разоблачавших интересы одних групп людей во имя интересов других социальных групп. Думается, что сегодня это не менее острый вопрос.

Вопрос соотношения целей и средств оказался очень актуальным для понимания морали в троцкизме. «...принцип “цель оправдывает средства”, естественно порождает вопрос: а что же оправдывает цель?» [Там же, с. 217]. Этот вопрос решался Троцким через сопоставление абстрактных и конкретно-содержательных моральных правил, оправдывающих те или иные цели.

Дж. Дьюи в ответ на эту статью изложил свою точку зрения, которую можно охарактеризовать как консеквенциалистскую. Цель сама по себе – это определенное состояние дел, которое достигается путем осуществления различных действий. Решения о действиях принимаются исходя из взвешивания положительных и отрицательных последствий. «...цель в смысле последствий обеспечивает единственное основание для моральных идей и действий и, следовательно, обеспечивает и единственное обоснование для используемых средств» [Дьюи и др., 1992, с. 246]. Дж. Дьюи показывает, что в тот момент, когда мы пытаемся детально рассмотреть средства, используемые для данной цели, мы думаем и представляем те последствия, к которым могут привести действия – средства. Таким образом, «конечная цель является идеей конечных последствий, то есть эта идея формулируется на основе тех средств, которые оцениваются как наиболее желательные

⁷ См.: Троцкий Л. Д. Их мораль и наша // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. 446 с.

для достижения цели» [Дьюи и др., 1992, с. 247]. Здесь Дьюи создает теоретический базис, отрицающий умозрительную (дедуктивную) постановку целей, а значит, и придумывание планов, которые будут оторваны от реальной практики. Он показывает, что Троцкий выводит классовую борьбу как средство достижения цели «освобождение человечества» дедуктивным способом, тогда как следует изучить эмпирически и непосредственно последствия выбора этого средства.

Естественнонаучные основы консеквенциалистской теории морали, рефлексия причинно-следственных связей создают традиционный теоретический фундамент менеджмента. Квалифицированный менеджер при принятии решений должен понимать причины тех или иных проблем и просчитывать последствия. Эта парадигма и обозначена в высказываниях прагматиста Дж. Дьюи, который обвиняет Троцкого, что он придает классовой борьбе силу социального закона и из него выводит средства, поэтому может оказаться спорным и субъективным утверждение, что этим следствием будет освобождение человечества. «Выведение установленных целей, средств и отношений из этого закона как главного делает все моральные вопросы, то есть вопросы, связанные с конечной целью, бессмысленными» [Там же].

Конечно, оценка последствий всегда концептуально нагружена, невозможно не принимать во внимание ценности того, кто оценивает результаты, то есть последствия всегда соотносятся с принципами, правилами, правами. На этот момент обращает внимание Ж.-П. Сартр, на которого работа Троцкого произвела сильное впечатление. Он пишет о том, что, конечно, ценность цели определяет те средства, которые пригодны для ее осуществления, и те средства, которые, несмотря на внешнюю большую доступность, могли бы ее скомпрометировать. «Однако на самом деле необходимо понять, что цель, которая находится в недосягаемом для нас будущем, функционирует в качестве идеала» [Сартр и др., 1992, с. 254]. И этот идеал предписывает отказ от реалистической политики во имя императива, формирование которого не связано с реальными событиями. Если есть связь между целью и средствами, то чем удаленнее цель, чем меньше ее возможно рассматривать в связи с конкретной ситуацией (а речь идет о ликвидации угнетения), тем более регулятивная и нормативная цель играет роль императива. Сартр дает свой ответ на то, что такое «нечто, оправдывающее цель» в теории Троцкого. Это будущее как идеал, как ценность, как целостность в гегелевском смысле, как далекая возможность.

Таким образом, управление как этическая сфера нуждается в теории, которая представит этику как науку, учитывающую конкретные пространственно-временные характеристики современности. Это требование сохраняет свое значение

как для нормативной этики с ее традиционными и инновационными принципами, так и прикладной этики. Этический анализ отдельных функций управления показывает, что эта сфера имеет морально-этически природу.

Список литературы

- Бакштановский В. И.** Прикладная этика как проектно-ориентированное знание // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. 2015. Т. 15. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/em_15_2.htm
- Бродский А. И.** Нормативная этика. От объективизма к конструктивизму // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2000. Вып. 1. С. 148–159.
- Винчигуэрра Л.** Спинозистский ренессанс во Франции (1950–2000). Введение // ЛОГОС. 2007. №2 (59). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/59/02.pdf>
- Гусейнов А. А.** Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2000. Вып. 1. С. 4–15.
- Делез Ж.** Спиноза. Практическая философия. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2018.
- Дробницкий О. Г.** Моральная философия. М.: Гардарики, 2002.
- Дьюи Дж.** Цели и средства // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 245–250.
- Журавлев А. Л.** Счастье как научная категория // Вестн. рос. акад. наук. 2014. Т. 84, № 8. С. 715–723.
- Кузнецов Б. Г.** Разум и бытие. Этюды о классическом рационализме и неклассической науке. М.: ЛКИ, 2018.
- Сартр Ж.-П.** Проблема цели и средства в политике // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 251–263.
- Троцкий Л. Д.** Их мораль и наша // Этическая мысль / под ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992.
- Чепурных М. Н.** Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69.
- Шматова Ю. Е.** Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162.

References

- Bakshantovskiy V. I.** Prikladnaya etika kak proektno-orientirovannoe znaniye [Applied Ethics as Project-Oriented Knowledge] In: Huseynov A. A. (ed.). *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2015, vol. 15, no. 2. (in Russ.) [Electronic resource]. Access mode: https://iphras.ru/em_15_2.htm
- Brodsky A. I.** Normativnaya etika. Ot objectivizma k konstruktivizmu [Normative ethics. From Objectivism to Constructivism] in *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought]. Moscow, RAS Publ., 2000, vol. 1, pp. 148–159. (in Russ.)
- Chepurnykh M. N.** Indeksy schastya: opyt Zapada (sotsiologicheskii obzor) [Indices of happiness: experience of the West (sociological review)]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 9, pp. 67–69. (in Russ.)
- Deleuze J.** Spinoza. Prakticheskaya filocofiya [Spinoza. Practical Philosophy]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2018. (in Russ.)
- Dewey J.** Tseli i sredstva [Goals and means] // Huseynov A. A. (ed.). *Eticheskaya mysl* [Ethical thought]. Moscow, Respublica, 1992, pp. 245–250. (in Russ.)
- Drobnitsky O. G.** Moralnaya filosofiya [Moral philosophy]. Moscow, Gardariki, 2002. (in Russ.)
- Huseynov A. A.** Etika i moral v sovremennom mire [Ethics and morality in the modern world] In: Huseynov A. A. (ed.). *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2000, iss. 1, pp. 4–15. (in Russ.)
- Kuznetsov B. G.** Razum i bytiye. Etudy o klassicheskom ratsionalizme i neklassicheskoi nauke [Mind and being. Etudes on classical rationalism and non-classical science]. Moscow, LKI, 2018. (in Russ.)
- Sartre J.-P.** Problema tseli i sredstva [The problem of goals and means in politics]. In: Huseynov A. A. (ed.). *Eticheskaya mysl* [Ethical thought]. Moscow, Respublica, 1992, pp. 251–263. (in Russ.)
- Shmatova Yu. E.** Izmereniye urovnya schastya: literaturnyi obzor rossiiskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: a literary review of Russian and foreign studies]. *Economicheskkiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 3 (39), pp. 141–162. (in Russ.)
- Trotsky L. D.** Ikh moral i nasha [Their morality and ours]. In: Huseynov A. A. (ed.). *Eticheskaya mysl* [Ethical thought]. Moscow, Republic, 1992. (in Russ.)
- Vinciguerra L.** Spinozistskii renessans vo Frantsii (1950–2000). Vvedeniye [Spinoza Renaissance in France (1950–2000). Introduction] *LOGOS*, 2007, no. 2 (59).

(in Russ.) [Electronic resource] Access mode: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/59/02.pdf>

Zhuravlev A. L. Schastye kak nauchnaya kategoriya [Happiness as a scientific category]. *Vestnik rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 84, no. 8, pp. 715–723. (in Russ.)

Информация об авторе

Нигоматуллина Резида Масхутовна, кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры общей философии Казанского федерального университета

Information about the Author

Rezida M. Nigmatullina, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent,
Department of General Philosophy, Kazan Federal University

*Статья поступила в редколлегию 29.01.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 29.01.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*

Научная статья

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-26-36

Поляризация геокультурного пространства локальных сообществ Евразии

Владимир Сергеевич Шмаков

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
vsshmakov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации социокультурного развития России в условиях глобализационных изменений развития мира. Поиск возможности сочетания универсализации и локализации процессов трансформации геокультурного пространства, актуализирующих проблемы межкультурного взаимодействия, оказывающих воздействие на содержание и формы трансформации. Основное внимание уделяется анализу наиболее значимых подходов к проблеме понимания геокультуры, локальных условий трансформации социокультурного пространства. С методологической точки зрения использование цивилизационного подхода дает возможность выявить специфику социокультурного развития локальных сообществ, проследить взаимосвязи, взаимоотношения общецивилизационных универсалий и локальной самобытности. Использование геокультурной парадигмы объяснения и понимания состояния мирового социокультурного развития содействует решению проблемы соотношения локальности и глобальности, достижению баланса доверия и сотрудничества в международных отношениях на основе уважительного диалога. В качестве базового вывода отметим, что формируются две тенденции, фиксируется два разнонаправленных вектора движения в развитии геокультурной ситуации. С одной стороны, идет процесс формирования моделей социокультурного поведения в зависимости от доступных сообществу ресурсов и технологий, выражающийся в попытке сохранить традиционный образ жизни. С другой стороны, в своем развитии локальные сообщества подчиняются общим закономерностям трансформации в условиях глобальной и региональной реструктуризации. Эти модели социокультурного поведения объединяют сообщества в специфическую социально-территориальную локацию.

Ключевые слова

глобализация, локальность, трансформация, геокультура, социокультурное пространство

Для цитирования

Шмаков В. С. Поляризация геокультурного пространства локальных сообществ Евразии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 26–36. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-26-36

© Шмаков В. С., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 26–36
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 26–36

Polarization of the Geocultural Space of Local Communities of Eurasia

Vladimir S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
vsshmakov@gmail.com

Abstract

The article deals with the problem of the transformation of socio-cultural development of Russia in the context of globalization changes in the world development. The search for the possibility of combining the universalization and localization of the transformation processes of geocultural space, actualizing the problems of intercultural interaction, influencing the content and forms of transformation. The main attention is paid to the analysis of the most significant approaches to the problem of understanding geoculture, local conditions of transformation of socio-cultural space. From a methodological point of view, the use of the civilizational approach makes it possible to identify the specifics of the socio-cultural development of local communities, to trace the interrelationships, the relationship of general civilizational universals and local identity. The use of the geocultural paradigm of explaining and understanding the state of the world socio-cultural development contributes to solving the problem of the correlation of locality and globality, achieving a balance of trust and cooperation in international relations based on a respectful dialogue. As a basic conclusion, we note that two trends are being formed, two multidirectional vectors of movement in the development of the geocultural situation are being established. On the one hand, there is a process of forming models of socio-cultural behavior depending on the resources and technologies available to the community, expressed in an attempt to preserve the traditional way of life. On the other hand, in their development, local communities are subject to the general laws of transformation in the context of global and regional restructuring. These models of socio-cultural behavior unite communities in a specific socio-territorial location.

Keywords

globalization, locality, transformation, geoculture, sociocultural space

For citation

Shmakov V. S. Polarization of the Geocultural Space of Local Communities of Eurasia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 26–36. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-26-36

Происходящие глобализационные процессы обостряют геополитическую ситуацию в мировом развитии, ставят вопрос объяснения и понимания положений Российской Федерации в структуре мировой политики, экономики и культуры. Экономическая глобализация, являясь важным фактором мирового производственно-экономического развития, сопровождается обострением социокультурной ситуации, приводит к столкновению локальностей, прослеживаются процессы не только объединения различных социокультур, но и их противопоставление, разединение. Мировое сообщество развивается по экспоненте и становится облада-

телем таких характеристик, как линейность, неустойчивость и неравномерность. Важно отметить, что одновременно обозначаются проблемы дифференциации, фрагментации, локализации социокультурного пространства, в рамках которого кристаллизуются социокультурные, цивилизационные различия. В условиях эпохи постмодерна традиционные социокультурные ценности подвергаются давлению со стороны глобализованного сообщества, меняя ценностные прескриптивные основы жизни локальных сообществ. История свидетельствует о том, что насаждённые извне конструкты и нарративы редко бывают жизнеспособны, поскольку стабильность сообщества поддерживается обычаями и традициями, имеет свою рациональность, свое место, критерии, модель развития, меняющуюся во времени.

В конце 20-х гг. подобную модель предложили идеологи евразийства. В основу культурологических и геополитических воззрений положена идея о том, что русская цивилизация не является собственно европейской или азиатской, а образует вполне самостоятельную геополитическую концепцию Евразии. Это была качественная попытка создать вполне актуальное мировоззрение в условиях слома самодержавного государства и строительство новой государственности, на основе эклектического смешения европейской аналитической рациональности с азиатским «всеединством». Основатели концепции евразийства рассматривали географическое положение России – Евразии как основу экономической, политической, культурной жизни проживающих на этом пространстве народов, что получило название «месторазвитие». Основной идеей представлялось положение о необходимости синтетического подхода к изучению русской истории, с приданием особой системообразующей важности географического фактора, определяющего создание слитного и независимого «материкового хозяйства». С этим связывалось видение особой роли России-Евразии в современном мире в самостоятельном развитии и в создании хозяйственно взаимодополняющих друг друга отдельных, пространственно соприкасающихся областей континентального мира.

Обозначенная проблематика концептуализирует исходную гипотезу исследования: проблему соотношения, взаимовлияния локальности и глобальности на формирование геокультурного пространства, что может способствовать сохранению многовариантности развития социокультуры. Целью нашего исследования является анализ трансформации геокультурного развития локальных сообществ, содержание взаимосвязей, взаимоотношений общецивилизационных универсалий и локальной самобытности.

Локальное сообщество «можно представить как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся

между собой членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Сообщество выступает как субъект управления, определяющий и защищающий общие интересы» [Шмаков, 2017, с. 142]. Это концептуальное определение позволяет рассматривать локальные сообщества как объект исследования в условиях трансформации геокультурного пространства. В качестве предметной области анализа локальных сообществ рассматривается система трансформации геокультурного пространства, тесно связанная с процессами изменения социокультурной среды под влиянием глобализации.

В методологическом плане использование цивилизационного подхода позволяет выявить специфику развития локальных сообществ, исследовать проблемы трансформации географического и социокультурного пространства в условиях глобализации. Применение методологии системного анализа помогает рассматривать динамику развития геокультурного пространства локальных сообществ на основе изучения применяемых практик, складывающихся под влиянием экзогенных и эндогенных факторов; внутренних и внешних условий существования сообщества, включая воспроизводство традиционности и этничности. Использование геокультурной парадигмы объяснения и понимания мира способствует решению проблемы соотношения локальности и глобальности, консолидации мирового сообщества для преодоления социокультурных противоречий и расколов в геокультурном пространстве. В теории и практике модернизационных процессов геокультурный фактор выступает неким базисом, во многом формирующим основу преобразований, в том числе и в процессе изменений места и роли локальных сообществ в различных общественных сферах, включая производственно-экономические и институциональные.

Понятие «геокультура» получило распространение в мировых научных кругах во второй половине XX века, когда возникла необходимость в более тщательном изучении проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности человечества под влиянием глобализации.

В литературе положение о влиянии географического фактора на развитие экономики и культуры по сформировавшейся традиции отдают И. Валлерстайну [Валлерстайн, 2001; Wallerstein, 1991; Wallerstein, 1995]. Важно отметить, что П. Н. Савицкий выдвинул эту идею существенно раньше. Определяя русскую культуру как евразийскую, имеющую русское социокультурное своеобразие, связывал особенности исторического социокультурного развития Евразии с географическими пространственными условиями [Савицкий, 2002, с. 297–304]. Зафиксируем, что подходы к анализу проблемы геокультурного пространства

у П. Н. Савицкого и И. Валлерстайна имеют определенное различие. У П. Н. Савицкого речь идет о трансформации геокультурного пространства Евразии с сохранением социокультурной идентичности народов, ее населяющих. Красной нитью концепции И. Валлерстайна проходит проблема формирования мир-экономики, идея европоцентризма и либерализма. По сути же эти идеи разнонаправлены: 1) сохранить российское влияние на окружающие локальности; 2) распространить мир-экономику либерализма со всеми вытекающими последствиями на всю мировую систему.

По поводу концептуализации и объяснения понятия геокультуры в литературе можно выделить несколько авторских позиций. 1. Формулируется и объясняется собственно понятие геокультуры [Савицкий, 2002, с. 297–304]. 2. Рассматриваются проблемы связи российской геополитики с геокulturой [Цымбурский, 2016]. 3. Используются принципы проектирования развития геокультурного пространства [Замятин, 2014, с. 170–183; Неклесса, 2010, с. 153–156; Межуев, 2018, с. 35–43]. 4. Достаточно активно изучается проблема формирования современного социо- и геокультурного пространства, вопросы социокультурной интеграции [Попов, 2017, с. 99–115; Грязнова, Афанасьев, 2019, с. 27–41]. 5. Анализируются проблемы развития геокультурного пространства в условиях глобализации [Киссинджер, 2018; Дружинин, 2021].

Отметим, что геокультура – это достаточно новое научное понятие, подчеркивающее когерентность и детерминированность географической и социокультурной сфер жизнедеятельности человеческого сообщества. Геокультурное пространство тесным образом связано с локальностью развития социокультуры, в отличие от определения глобальности как концепции человеческого общества, объединяющего всё человечество, всех жителей Земли, включая локальные сообщества. Проблематика геокультуры представляется весьма интересной и сложной, глубокомысленной. А) Рассматривается не просто проблема социокультуры, анализируется весь спектр развития социокультурных образов сообществ. Б) Исследуются все сферы жизнедеятельности локальных сообществ, включая производственно-экономические, институциональные процессы, акцентируя роль эндогенных и экзогенных детерминант, природно-климатических факторов. В) Проблема трансформации геокультуры – это проблема сохранения ценностей, традиций, норм и принципов, в рамках которых устроено и развивается социокультурное пространство, что убеждает, стимулирует живущий на этом пространстве народ и окружающие его народы признавать, уважать сложившуюся систему геополитических сил. История фиксирует два основных способа завоевания социокультурного пространства: через овладение и/или навязывание символов культуры и идеологии. Анализ понятия геокультуры в контексте

трансформации геокультурного пространства локальных сообществ ставит ряд проблем, связанных с закономерностями развития и трансформации геокультурного пространства, сохранения геокультурной среды, социокультурной идентичности народов, населяющих геокультурное пространство.

Глобализация формирует новое положение геополитики, выводя на первый план социокультурный аспект, оказывая влияние на развитие локальных сообществ, систему общественных отношений. Глобализация, в первую очередь, оказывает давление на экономику. Собственно, экономическая деятельность не охватывает всю сферу жизнедеятельности человека. Социокультурные отношения находятся на втором плане. Социокультура из производственно-экономической деятельности выпадает. Традиционным основанием формирования геокультурного пространства является единство географического, социокультурного, этнического, хозяйственного и исторического начал в развитии локальных сообществ. В процессе жизнедеятельности сообщества формируют и развивают свой социокультурный потенциал, реализуя возможности, заложенные в особенностях географического, пространственного положения.

Идея евразийцев о сочетании народности и территории, развитие взаимодействия и взаимовлияния локальных социокультур позволяют говорить о сопричастности, вплетенности их в весьма казусный цикл социокультурной, политической, экономической, институциональной деятельности, учитывать существование «сил центристических и культуруобразующих». В этом случае традиция выступает историческим, духовным фундаментом локального сообщества. В этом смысле геокультура и геокультурное пространство являются в достаточной мере автономными понятиями. Геокультурное пространство можно представить как систему устойчивых социокультурных картин и явлений на конкретной территории, складывающихся в процессе симбиоза, взаимодействия, противостояния многообразных, неоднородных социокультурных традиций, обычаев, норм, ценностей, религий, ментальностей, определяющих восприятие и познание функционирования мира.

Пределы трансформации геокультурного пространства определяются особенностями процессов, складывающихся под влиянием происходящих общественных сдвигов и изменений, вызванных объективной логикой исторического процесса.

1. Интерпретация проблемы трансформации геокультурного пространства Евразии позволяет фиксировать границы выбранного объекта исследования, закономерности развития геокультурного пространства, рассматривая его в содержательном плане, «замерить», определить содержание основных методологи-

ческих посылок, формулируемых при анализе предмета исследования представителями различных направлений.

Под воздействием факторов глобализации формируется картина мира, определяющая сосуществование различных, зачастую противоречивых, дифференцированных по генезису, конституции, комбинационности знаков и стереотипы социокультуры.

2. В теории и практике модернизационных процессов геокультурный фактор выступает неким базисом, во многом формирующим основу преобразований, в том числе и в процессе изменений места и роли локальных сообществ в разнообразных общественных сферах, включая и производственно-экономические, и институциональные. Экономическая и политическая экспансия, социокультурный «экспорт» духовных и материальных ценностей и образцов в лучшем случае предопределяет формирование гибридных, диффузных социокультурных стандартов и ценностей, при этом традиционные ценности, нормы, идеалы активно разрушаются и вытесняются.

3. Использование геокультурной парадигмы объяснения и понимания современной системы социокультурного развития мира может способствовать решению проблемы локальности и глобальности, достижению баланса доверия и сотрудничества в международных отношениях на основе уважительного диалога. Анализ особенностей трансформации геокультурного пространства приобретает особую актуальность на фоне экономической и социальной нестабильности. Необходима разработка системных оснований для идентификации «болевых точек» геокультурного развития в условиях глобализации и давления европейских социокультурных концепций, формирование геокультурной парадигмы, способствующей сохранению социокультурной идентичности.

Разрешение имеющихся противоречий между потребностью в унификации, универсализации развития культуры и социальности и необходимостью сохранения существующего в мире социокультурного многообразия, может благоприятствовать сохранению многовариантности социокультурной эволюции, консолидации мирового сообщества для преодоления противоречий и расколов.

1. Основой социокультурного развития является социальный компонент с его сложными структурными отношениями: статус, набор ролевых и социальных функций и т. д. В процессе социокультурной трансформации меняются ценностно-нормативные установки, убеждения и ориентации. Разрушаются семейные связи, меняется язык общения, стиль и смысл жизни. Возникают процессы индивидуализации человеческих взаимоотношений. В локальных сообществах прослеживаются процессы архаизации в производственно-экономической и социокультурной сфере, развиваются деструктивные тенденции, приводящие

к разрушению целостности геокультурного пространства, снижению стабилизирующего потенциала традиционного уклада сообществ с последующей пауперизацией и маргинализацией значительной части населения.

2. Новые модели поведения, ориентированные на западные каноны, способствуют процессам деформации устоявшихся морально-нравственных ценностей. Люди оказываются на периферии традиционного социокультурного пространства. Возникает проблема разлома идентичности. Разрушение традиционного образа жизни влечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и на локальном уровне. Локальные сообщества пытаются адаптироваться к кризису идентичности, обретению того облика, который является наиболее эффективным в данной ситуации. Процесс смены ценностных стереотипов формирует способность к социальной мимикрии, формируются маргинальные качества, состояние социальной аномии.

3. Процессы глобализации приводят к разрушению социокультурной идентичности народов, населяющих определенные территории геокультурного пространства. В этом случае геокультуру можно определить как методологию процесса объединения, способ мышления и мировосприятия в ходе поиска общей платформы если не для конфедерации, то для интеграции, формирования моделей сотрудничества и взаимодействия.

4. В процессе развития локальные сообщества подчиняются общим закономерностям трансформации в условиях глобальной и региональной реструктуризации. Формируются две тенденции, фиксируется два разнонаправленных вектора движения в развитии социокультурной ситуации. Модели социокультурного поведения объединяют сообщества в специфическую социально-территориальную локацию. С одной стороны, идет процесс формирования моделей социокультурного поведения в зависимости от доступных сообществу ресурсов и технологий, выражающийся в попытке сохранить традиционный образ жизни. С другой стороны, в своем развитии локальные сообщества подчиняются общим закономерностям трансформации в условиях глобальной и региональной реструктуризации. Эти модели социокультурного поведения объединяют сообщества в специфическую социально-территориальную локацию.

Список литературы

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Унив. книга, 2001. 416 с.

- Грязнова Е. В., Афанасьев С. В.** К вопросу об определении понятия «социокультурное пространство» // Совр. исслед. соц. проблем. 2019. Т. 11, № 2–1. С. 27–41. DOI 10.12731/2077-1770-2019-2-27-41
- Дружинин А. Г.** Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д; Таганрог: Юж. фед. ун-т, 2021. 270 с.
- Замятин Д. Н.** Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование // Развитие и экономика. 2014. № 10. С. 170–183.
- Киссинджер Г. А.** Мировой порядок: Пер. с англ. М.: АСТ, 2018. 511 с.
- Межуев Б. В.** Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться? // Вопр. филос. 2018. № 7. С. 35–43.
- Некlessа А. И.** Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира // Полит. исслед. 2020. № 2. С. 153–166. DOI 10.17976/jpps/2020.02.11
- Попов М. Е.** Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полит. исслед. 2017. № 1. С. 99–115. DOI 10.17976/jpps/2017.01.09
- Савицкий П. Н.** Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002. С. 297–304.
- Цымбурский В. Л.** Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книж. мир, 2016. 496 с.
- Шмаков В. С.** Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145.
- Wallerstein, I.** Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1991, 242 p.
- Wallerstein, I.** After Liberalism. New York, New Press, 1995, 251 p.

References

- Druzhinin, A. G.** Idei klassicheskogo evraziistva i sovremennost obschestvenno-geograficheskii analiz [The ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis]. Rostov on Don; Taganrog, Yuzhnii federalnii universitet, 2021, 270 p. (in Russ.)
- Gryaznova, E. V., Afanasev, S. V.** K voprosu ob opredelenii ponjatija “sociokul'turnoe prostranstvo” [On the question of the definition of the concept of “socio-cultural space”]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 27–41. (in Russ.)
- Kissindjer, G. A.** Mirovoi poryadok [World Order]. Moscow, AST, 2018, 511 p. (in Russ.)

- Mezhuev, B. V.** Est' li u Rossii svoj "civilizacionnyj kod", i v chem on mozhet zaklyuchat'sya? [Does Russia have its own "civilizational code", and what can it consist of?]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2018, no. 7, pp. 35–43. (in Russ.)
- Neklessa, A. I.** Privatizaciya budushchego. Dvizhenie k novoj semantike, koncepcii i praktike mira [Privatization of the future. Movement towards new semantics, concepts and practices of the world]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2020, no. 2, pp. 153–166. (in Russ.) DOI 10.17976/jpps/2020.02.11
- Popov, M. E.** The policy of socio-cultural integration: basic theoretical approaches. *Policy. Political Studies*, 2017, no. 1, pp. 99–115. (in Russ.) DOI 10.17976/jpps/2017.01.09
- Savitsky, P. N.** Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziystva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: *Osnovy evraziystva*. Moscow, Arktogeya tsentr, 2002, pp. 297–304. (in Russ.)
- Shmakov, V. S.** Sel'skie lokal'nye soobshchestva: k metodologii issledovaniya [Rural Local Communities: Toward a Research Methodology]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 135–145. (in Russ.)
- Tsybursky, V. L.** Morfologiya rossijskoj geopolitiki i dinamika mezhdunarodnyh sistem XVIII–XX vekov [Morphology of Russian geopolitics and dynamics of international systems of the 18th – 20th centuries]. Moscow, Knizhnyj mir, 2016, 496 p. (in Russ.)
- Wallerstein, I.** *After Liberalism*. New York, New Press, 1995, 251 p.
- Wallerstein, I.** Analiz mirovih sistem i situaciya v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg, Publishing house "University book", 2001, 416 p. (in Russ.)
- Wallerstein, I.** *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1991, 242 p.
- Zamyatin, D. N.** Geokulturnoe prostranstvo Rossii klyuchevie polozeniya interpretacii i perspektivnoe geokulturnoe proektirovanie [Geocultural space of Russia: key provisions, interpretations and perspective geocultural design] *Razvitie i ekonomika* [Development and economy], 2014, no. 10, pp. 170–183. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Шмаков, доктор философских наук
ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy)
leading researcher Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редколлегию 21.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022
The article was submitted 21.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022*

Научная статья

УДК 130.2. 141.201

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Традиция и рациональность

Николай Николаевич Мисюров

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омск, Россия

misiurovnn@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Аннотация

Рассматривается проблема соотношения традиции и рациональности в общественном наследии. Содержание традиции объясняется как объективация субъективной по природе «коллективной памяти». Утверждается, что в рамках этой модели общественных отношений и культурной коммуникации осуществляется взаимосвязь объективной действительности и субъекта социализации (как отдельного индивида, так и конкретной социальной общности). Констатируется, что деформация онтологических и когнитивных структур коллективного опыта сказывается на результатах интеллектуальной деятельности человека в современном обществе. Делается вывод, что традиция, на самом деле не тождественная традиционализму и консерватизму, преобразуя определенным образом факты прошлого в «имманентно» воспринимаемые ценности современности, регулирует общественную практику в целом, идеологически (и религиозно) маркирует ментально обусловленные стереотипы общественного поведения индивида.

Ключевые слова

традиция, коллективная память, рациональность, объективная реальность, общественная практика, структуры сознания

Для цитирования

Мисюров Н. Н. Традиция и рациональность // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 37–51. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Tradition and Rationality

Nikolay N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russian Federation

misiurovnn@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Abstract

Transmission of social heritage has a problem of correlation between tradition and rationality. The content of the tradition is explained as the objectification of "collective memory", subjective in nature. This model of social relations and cultural communication links the objective reality and the subject of socialization. Ontological and cognitive warps in the structure of collective experience affect the results of intellectual activity in modern society. It is concluded that tradition, not identical to traditionalism and conservatism, transforming the facts of the past into values of modernity, regulates social practice and marks mentally conditioned stereotypes of social behavior of the individual.

Keywords

tradition, collective memory, rationality, reality, public practice, the structure of consciousness

For citation

Misyurov N. N. Tradition and Rationality. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 37–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Введение

Телеологическая оценка эволюционных процессов, меняющих или же закрепляющих облик и духовное содержание существующего порядка вещей (путем консервации традиционных форм культуры и обустройства социума), фиксирует как их стихийность, так и их предопределенность. Фактически это гегелевский вопрос о «субстанциональной основе» индивидуума и «естественном авторитете» духа народа в различные периоды всемирной истории [Гегель, 1975, с. 381]. В каждую историческую эпоху, даже коренных изменений самих основ жизни все равно сохраняется связь индивидуального и всеобщего в форме неразрывного жизненного «сверхличного единства» (чувства «крови и почвы» в интерпретации немецких романтиков); всякое новое вырастает из старого.

«Порядок мира», по Н. А. Бердяеву, есть все же величина относительная, «порождение отвлеченной мысли», стало быть, продукт рационализма; подтверждение тому – глубокий конфликт с «порядком Божиим» (нельзя не увидеть в этой метафоре обозначение христианской традиции) [Бердяев, 2006]. Однако это суждение принадлежит мыслителю, фактически завершающему историю философской классики. В «неклассической» философской парадигме акценты

расставлены, разумеется, иначе: величины и суждения, предполагающие определенную реальность вселенной, устарели, считает «отец кибернетики» Н. Винер, следует признать наличие в вероятностном мире «элемента неполного детерминизма, почти иррациональности» [Винер, 2019, с. 13].

Ключевой вопрос понимания, объяснения и исследования традиции состоит в том, принадлежит ли она – как всякая сложная многоуровневая система – всецело «царству объективности» (воспользуемся известным определением Н. А. Бердяева) или же более соответствует по природе составляющих ее структур и элементов, т. е. архетипов «коллективного бессознательного», уже «царству субъективности»? Основополагающие компоненты традиции – например, религия – в понимании классической философии относятся к «являющей себя субъективности» (согласно Гегелю, «внутренней, неразвитой в себе»), противостоящей «вообще объективности»; это лишь объективность рефлексии, абстрактного мышления, рассудка, понятия [Гегель, 1977, с. 321].

Постановка исследовательской задачи

Насколько сопоставимы традиция и рациональность (абсолютно, казалось бы, противоположная ей по смыслу и содержанию, более того, зачастую противостоящая ей в общественной практике и в интеллектуальной деятельности индивидуума)? При определении равенства или же неравенства сопоставляемых предметов, вещей и феноменов мира было бы методологической ошибкой, так считал еще Аристотель, одно противоположное познавать через другое, ибо в таком случае мы всякий раз будем иметь дело с «каким-то одним сочетанием противоположностей» [Аристотель, 1978, с. 483].

Важнейшей функцией традиции принято считать передачу «общественного наследия» – совокупность основанных на сакральном опыте форм культуры и социальной организации, несомненно, обладающих онтологическим статусом. Однако лишь некоторые из унаследованных обычаев, институтов, ментальных стереотипов становятся традициями; обоснование самой традиции (как некой «матрицы») предполагает суждение об абсолютной ценности передаваемого. Традиция – это вычлененные (зафиксированные в сознании субъекта и маркированные аксиологической рефлексией) в определенных проблемных ситуациях в соответствии с иерархией духовных ценностей культурные явления современности, настоящего или прогнозируемого будущего, в отношении к которым у индивидуума возникает социально значимое допущение, что именно эти идеологические конструкты, общественные установления и мифологизированные концепты происходят из «славного» прошлого.

Недостаточно просто реконструировать традицию в коммуникативном контексте, необходимо понять различные и многообразные факторы, обусловившие ее структуры и обеспечивающие перманентность ее функционирования. Механизмом реализации традиции становятся определенные социальные стереотипы, в основе которых лежат важные для социума «культурные коды», а также определенные идейные и религиозно-этические доминанты, занимающие центральное место в общественном сознании. Существенное значение имеет проблема «готовых условий», в которых приходится действовать субъектам общественной коммуникации, а также выбора средств достижения целей (и высокопарное «усвоение», и элементарное «потребление» одинаковым образом обозначают проявления «модуса обладания» [Фромм, 2010, с. 7]). Наконец, проблема «сущностного» содержания традиции – осознания высших целей, которым подчиняет свою деятельность индивид как член социального или же всякого другого по принципам организации коллектива. Это проблема иерархии ценностей, которые мы фактически навязываем окружающему «действительному» миру в целях его переформатирования уже как идеализированного неразрывного единства «прошлого» и «настоящего».

Проблема традиции имеет как практическое, так и теоретическое значение, поскольку ее проблематикой устанавливаются активные взаимосвязи между современностью (общественным процессом) и историей (общественной практикой). Традиция понимается как метафизический продукт истории, являющийся неотъемлемой частью «живого целого». Опыт социума наряду с действующими институтами и формирующимися в ходе общественного развития структурами включает опыт минувших поколений. «Великая традиция» (так обозначили современники смысловой стержень деструктурированного французской Революцией *ancien regime*) родоначальниками консерватизма рассматривалась в характерной для рационалистической мысли века Просвещения антиномии **«оценка – развитие»** (традиция – история). Направление и сам тон полемики (что продуктивнее: **«традиция»** или **«рациональность»**?) были заданы еще выдающимися умами «века Разума» [Kirk, 2001, p. 19].

Традиция, так или иначе понимаемая, по мнению поборников традиционализма, всегда играла в общественной жизни принципиально важную роль. Настороженное и даже негативное отношение к традиции (как к проблеме и как к социальному феномену) приверженцев либерализма объясняют ошибками рационалистического толкования проблемы. Представители современного традиционализма отказались от «вневременного» толкования традиции. Новая либеральная критика попыталась развить «позитивный» принцип традиции. Это принцип традиции, понимаемой не столько как противоположность истории,

а как нечто соотносимое с ней; тем самым устанавливается необходимая корреляция между «прошедшим» (исторической действительностью) и «нынешним» (историческим сознанием). В этой точке пересекаются объективная действительность (как и альтернативная ей новая «реальность», порожденная попытками субъективного воздействия на нее) с общественной практикой. Возникает еще одна идеологически и социально значимая для индивида и общества антиномия: «данное» – «избираемое».

Существуют бесчисленные связи между отношением к прошлому, обусловленным «жизненной силой», и теоретическими тематическими «способностями представлений» нашего знания о прошлом. Традиция представляет собой в этом смысле всеобъемлющий **методологический принцип**. Всякой социальной динамике сопутствует социальная статика. Однако изменяющемуся социальному миру противостоит вовсе не устойчивая традиция, разъяснял К. Поппер, а неизменный физический мир; основной методологический вопрос, примиряющий защитников и критиков традиции, звучит так: какие уроки на будущее можно извлечь из прошлого? [Поппер, 1992, с. 486].

Кризису научного знания, имевшему место в начале XX века, сопутствовал духовный кризис, охвативший «классическое» общество. Историческим пессимизмом и разочарованием проникнуты труды многих философов, социологов, писавших о разрушении общинных связей, о кризисе культуры, о харизматическом господстве и политическом карьеризме. Отмечалось «опустошение культурных форм» [Зиммель, 1996, с. 118]. Противники позитивизма указывали на то, что человеческое общество коренным образом отличается от окружающей его природы и поэтому должно исследоваться специфическими методами. Какие детерминанты социальных явлений и условия их изменений следует считать самыми важными? Наука имеет границы своего эффективного применения, за которыми должны использоваться либо интуиция, либо «понимание», расшифровка мотивов деятельности индивидов и коллективов, символов, закодированных в культуре. Исследуемые явления необходимо сопоставлять с общезначимыми универсальными ценностями¹. Ценность есть установка данной исторической эпохи, свойственное ей «направление интереса» [Вебер, 2017, с. 49].

Традиция – не вопрос подражания образцам прошлого, это специфическая форма убеждений, особый способ действий [Элиот, 2004, с. 11]. Переоценка ценностей актуализировалась событиями эпохи – Первой мировой войной и чере-

¹ При этом говорится о необходимости «ригористической защиты» кардинальных ценностей. См. новое издание известной работы Н. С. Розова [2013].

дой революций в Европе, кардинальных изменений в мире. Настоящее, констатировал К. Ясперс, является собой «катастрофичное обеднение в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии» [Ясперс, 1994, с. 113]. Культурная традиция выступает в качестве «объективно-истинного» знания; метафизическое ядро связано с иерархией архетипов мифологического мировосприятия, относительно устойчивая трансцендентальная основа – с иерархией высших ценностей (индивидуального и коллективного порядка). Традиционные формы культуры оперируют понятием «мы», в котором растворяется всякое «я»; наделенная свободой творчества личность стремится противопоставить условной «классике» некий «авангард», но индивидуальные модификации в сложных системах на самом деле играют незначительную роль.

Проблему современной культуры (постмодерна) М. Хайдеггер видел в том, что ее «временной континуум» опустошен, нарушена связь с «опытом сакрального» [Хайдеггер, 2008, с. 117]. «Подлинность» наследуемого обусловлена культурной почвой и общественной практикой, иерархичность, целостность, органичность, авторитетность. Это – в идеале, в реальности же ситуация выглядит удручающе. Выступавший с позиций аксиоматического «религиозного опыта» И. А. Ильин предупреждал современников о последствиях одержанной «психологией масс» победы в советской России и повсюду в западном мире [Ильин, 2002, с. 9]. Религия (как один из институтов традиции) предполагает взаимосвязь, «соприкосновение» двух реальностей: «живого субъективного опыта» человека и некоего мистического опыта высшего порядка; отношения между ними диалектически сложные. Послевоенная реальность – холодная война, крушение гуманизма – обострила нравственную, основанную на онтологическом опыте субъекта дилемму: «истинное» противоположно «действительному» [Ильин, 2006, с. 88].

«Общество с сетевой структурой», основанное на новейших информационных технологиях, привело к появлению новых разногласий и противоречий [Prigogine, 2000, p. 18]. Опыт – эпохальный опыт социума, жизненный опыт индивидуума – корректирует способы и сами принципы дискурсивного мышления, характерного для своего времени, а также результаты такой целостной интеллектуальной деятельности человека, т. е. конечные «смыслы» репрезентации общепринятых «значений»; поправки вносятся даже в «абсолютные истины», т. е. особо значимые религиозные и научные постулаты, национальные концепты.

Сущность и социальную значимость традиции концептуально описывают либо в диалектической связке с «новацией», либо в оппозиции «рациональности». Традиционность как базовая характеристика социума, по мнению Х. Арендт, полностью исчерпывает себя в эпоху модерна, поскольку логика ин-

дустиального развития требует замены традиции как социального ориентира ориентацией на «общечеловеческую рациональность». Опасность для мировой цивилизации грозит не извне – от природных катаклизмов или «внешнего варварства», а изнутри. Феномен «массы» способствовал зарождению в XX веке тоталитарных движений (позиция западного интеллектуала совпадает с позицией русского консерватора И. А. Ильина). Сказанное в защиту «рациональности» не противоречит осуждению «тирании логичности» [Арендт, 2008, с. 42].

Традиционный и рациональный способы социальной организации, по мнению М. Вебера, составляют два противоположных полюса, между которыми существует напряженность, определяющая направленность социальной динамики. Исследование процессов рационализации, перехода общества от традиционного типа к обществу современному – преобладающая тематика его трудов; в этом ключе исследуются многие другие явления: психологические мотивации, культурные ценности, религиозные верования и структуры общества, определяемые экономическим укладом. Переосмысление труда в «аскетических деноминациях» протестантизма сделало человека намного рациональнее в стремлении достичь благосостояния [Вебер, 1990, с. 199]. Приметой нашего времени М. Вебер считал рационализацию и интеллектуализацию; обогащение научного знания освобождает человека от традиционных «иррациональных директив» [Вебер, 2017, с. 54].

Задачу сегодняшнего дня, при доведенном до крайности нигилизме, К. Ясперс видел в создании нового «стержня стабилизации», что предполагает усвоение «**предания**» [Ясперс, 1994, с. 122]. Неверно, что последующее лучше предшествующего и уничтожает его значение и что оно в качестве ступени дальнейшего прогресса сохраняет лишь исторический интерес; новое как таковое неправильно считается тогда истинным. Какая «болезненная операция» мысли приведет нас к «подлинной истине»? Традиции необходимы, считал К. Поппер: «Мы не смогли бы жить в социальном мире, если бы в нем не было порядка, если бы он не содержал множества регламентаций» [Поппер, 2004, с. 225]. Создание традиций, как и законодательства, выполняет по сути дела ту же функцию внесения порядка и рациональной предсказуемости в сверхструктуру социального мира.

Сущность человека характеризуется в контексте его трансцендентальной чувственности и духовности, или в более широком плане – как творца культуры и как ее главнейшее творение. Сами конкретные формы культуры трактуются как «стили жизни», которые могут быть объяснены основополагающими структурами человеческого бытия. Человек как «деятельное существо» по мере своих возможностей противостоит окружающей его среде и конституирует непосредственно из «наличной» действительности собственные субъективные «миры».

С самого начала его осмысленного существования в качестве мыслящей ничтожно малой крупинки «мировой материи» (романтическая «монада» в этом смысле является более приличествующим высокому назначению человека «титолованием») он оказывается в определенной жизненной ситуации, когда его принципы, сомнения и выборы, планы и поступки определяются соответствующим «горизонтом эмоционального мировосприятия». Формирующей активности человека при этом всегда заранее дан в качестве наследства «нетленного» уже в известной степени оформленный материал; культурной деятельности одних людей всегда предшествуют действия других. Взаимосвязь объективной действительности и субъективной деятельности осуществляется именно в рамках традиции [Леви-Стросс, 2001, с. 30]. Традиция – не пассивное восприятие наследия прошлого, а сознательный выбор нужных элементов этого наследия.

Сделаем два необходимых уточнения методологического характера. Во-первых, «объектное» понимание традиции предполагает структуризацию и «категоризацию» транслируемых духовных и материальных ценностей, зафиксированное в общественной практике культурное наследие в определенной мере абсолютизируется. Во-вторых, в развитых обществах культурное наследие утрачивает свою изначальную структурную «одномерность», опосредованность самой передачи наследуемого создает необходимость его постоянной интерпретации [Шацкий, 1990, с. 284, 293]. Традиция – понятие чрезвычайно широкое, почти совпадающее (в понятийном плане) с понятием обобщенно описываемой культуры; в научных спорах о ценности культурного наследия крайние взгляды относятся обычно не к «традиции вообще», а к той или иной части общественного наследия, которая по тем или иным причинам специально выделена интерпретаторами в «ценностном измерении».

Дуализм традиции проявляется в том, что, с одной стороны, процесс исторических изменений в общественной и духовной жизни человечества подчиняется определенным законам универсального порядка, с другой стороны, каждое человеческое сообщество делает определенный выбор в «диапазоне возможностей». Эти осознанные выборы могут быть несопоставимы между собой, но по значимости своей и по «историческому наполнению» равноценны друг другу. Сами структуры, определяющие различные типы цивилизации в зависимости от их качественной природы, несоизмеримы между собой. Мы не можем корректно оценить в «общих величинах» статический или же динамический характер общества, существенно отличающегося или же, напротив, весьма похожего на любое другое, более нам известное и понятное, наиболее нами изученное. Усложнение социальной системы ведет к усилению неустойчивости; в результате культурной революции и сопровождавшего его демографического взрыва культура прибли-

жается к некой критической точке; такое состояние обычно предшествует «переориентации» культуры.

Проблема передачи общественного (культурного) наследия усугубляется внутренним расслоением общества. Индивид, принадлежащий к структурированному неоднородному социуму, может входить в самые различные коллективы (профессиональные, конфессиональные и прочие). «Коллективная память» сохраняется исключительно в социальных границах; человек сохраняет верность тем или иным традициям, использует и заново постоянно реконструирует «прошлое» как член определенной группы.

Структура общественного сознания в различных его формах обусловлена целостной структурой социально-культурной реальности. Человеческое сознание становится доступным самому себе через «самоосуществление» в продуктах материальной и духовной культуры. Кантианская постановка проблемы фокусирует наше внимание на соотношении эмпирического и теоретического сознаний, однако гораздо важнее основа (коммуникативное поле культурной традиции), на которой происходит это совмещение двух «ментальных актов». Поскольку язык является первоосновой культуры (как уникальный способ аккумуляции и трансляции культурных смыслов), то зафиксированная в языке система онтологических и когнитивных конструкторов традиции может рассматриваться проекцией ментальных моделей мировосприятия.

Однако не в «инструментарии» традиции заключается определенное затруднение: в социальных системах, утративших связь с традицией и лишившихся определенных институтов, обеспечивавших устойчивость, роль «внешнего наблюдателя» не тождественна роли «организатора». Мысленное определение связей, «преодоление хаоса» возможно в формах традиционного мышления. Наша цивилизация, полагал Ф. Хайек, сложилась «сама собой», несмотря на все попытки «разумного» управления обществом; сейчас мы находимся в стадии разрушения нашего мира [Хайек, 2003, с. 196]. Иначе говоря, действовать, преобразовывать мир, мы должны с осторожностью².

Действие есть атрибут изменяющегося мира, отражает его «становление». Знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира; становясь знанием чисто метафизическим, оно само становится неизменным. Всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания. Это решающее обстоятельство упускают из виду критики «великой Традиции» (для Р. Генона написание объясняемого понятия с заглавной буквы принципиально): они не признают ничего кроме чисто рассудочного, дискурсивного знания, которое, будучи

² Об аксиологии «механизмов модернизации» см. специально: [Розов, 2016].

лишь «отраженным знанием», с необходимостью является несовершенным. Одной из самых «подозрительных особенностей» современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях; этот процесс следовало бы назвать «количественным рассеянием во множественности» [Генон, 2008, с. 24]. Общественная практика уже не объединена осознанием высших ценностей из не подлежащего никакой субъективной критике «священного» комплекса традиции.

У традиции есть свои защитники и свои враги. Сталкиваясь с идеями «равенства» и «прогресса» или с другими подобными современными догмами, большинство из которых оформились в XVIII веке, мы не можем допустить, что они появились будто бы спонтанно. Эти идеи никогда не смогли бы серьезно повлиять на традиционное общество, если бы оно само не было готово к их восприятию. Однако именно эти идеи способствовали утверждению «критического» (по отношению к традиции) мировоззрения. В их продвижении в массы прямо заинтересованы некие лица, стремящиеся сохранить современное «извращенное состояние цивилизации» (конспирология – конек Р. Генона); они противостоят коллективному человеческому мышлению, одухотворенному «великой Традицией». Этим и объясняется упадок традиции.

Выводы

Итак, достаточно широко понимаемая и весьма противоречиво оцениваемая традиция есть необходимое условие жизнедеятельности сложных социальных систем. Осуществляя осознанный выбор тех или иных элементов традиции, общество тем самым придает легитимность принципиальным основам своего существования (представляющих собой диалектическое единство «иррационального» и «рационального») и обозначает перспективы дальнейшего своего развития, выбирает не только будущее, но и свое актуализированное прошлое. Координация взаимоотношений «данного» и «избираемого» в этом комплексе общественного наследия осуществляется посредством установления пространственной вневременной связи между идеализируемым «прошлым» и рационально воспринимаемым «настоящим». Жизнеспособность традиции определяется возможностями её последующей смысловой интерпретации уже в иных исторических обстоятельствах.

Динамика культурной традиции – постоянный процесс преодоления одних видов «социально организованных стереотипов» и образования новых [Маркарян, 2010, с. 17]. Социальный стереотип является неосознанным механизмом реализации традиции. Однако было неверным интерпретировать этот и другие

регуляторы традиции как проявление неких имманентных сил (поскольку речь идет о «сакральном» опыте предков), иррациональность их преувеличена. «Рациональные стандарты и обосновывающие их аргументы» являются обязательными элементами традиций [Фейерабенд, 1986, с. 302].

Заключение

Современное общество характеризуется ускорением изменений в социальной организации, в области научного знания, в доступе к необходимой информации и способах ее получения, в сфере культуры и формах «потребления» массовой культуры. Новое время с его успехами наук и популяризацией знания в широких массах, когда в общественном сознании восторжествовала философская доктрина рационализма, выглядит лишь «фрагментом» масштабной картины человеческой истории. Традиция господствовала на протяжении веков, «рациональность» (в особенности «неклассическая») является продуктом современной эпохи³.

Таким образом, вовлеченная в круг ценностей определенного рода традиция становится объектом интенсивной интеллектуальной пропаганды, выходящей за рамки конституирующего ее акта признания. Интеллектуализация традиции может идти разными путями [Гуссерль, 2005, с. 67]. Само по себе «возвращение» традиции требует какого-то обоснования. Размежевание «традиции» и «традиционализма», вопрос о соотношении традиционализма и консерватизма, множественность описываемых «традиций», необходимость преодолеть размывание самого предмета анализа и статуса понятия требует определенной дисциплины исследовательской мысли. Дискуссии на эту тему многое прояснили, многие спорные вопросы остались нерешенными. Полемически некогда оформленный вопрос противопоставления «традиции» и «рациональности» остается в центре продолжающихся дискуссий⁴ о природе, факторах и структурах Традиции.

Список литературы

- Арендт Х. Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008. 221 с.
Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.

³ См. новое издание известной работы М. Мамардашвили [2004].

⁴ См. специально некоторые из новейших публикаций: [Швырев, 2003; Полонская, 2006; Труфанов, 2013], а также материалы круглого стола с участием философов, ведущих специалистов в других областях знания: [Рациональность и ее границы, 2012].

- Бердяев Н. А.** Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, 2006. 416 с.
- Вебер М.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вебер М.** Хозяйство и общество. М.: Высш. шк. экономики, 2017. 432 с.
- Винер Н.** Кибернетика и общество. М.: АСТ, 2019. 288 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Философия религии. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 532 с.; 1977. Т. 2. 573 с.
- Генон Р.** Кризис современного мира. М.: ЭКСМО, 2008. 784 с.
- Гуссерль Э.** Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 443 с.
- Зиммель Г.** Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1: Философия культуры. 671 с.
- Ильин И. А.** Аксиомы религиозного опыта. М.: Русс. книга, 2002–2003. Т. 1. 605 с.
- Ильин И. А.** Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2006. 576 с.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
- Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 240 с.
- Маркарян Э. С.** О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества. СПб.: Изд-во «СПбКО», 2010. С. 17–24.
- Полонская И. Н.** Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 269 с.
- Поппер К.** Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 1. 448 с.
- Поппер К. Р.** Предположения и опровержения: рост научного знания. М.: АСТ Ермак, 2004. 638 с.
- Рациональность и её границы: Материалы Междунар. науч. конф. в рамках заседания Междунар. ин-та философии (Москва, 15–18 сент. 2011 г.) / Отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. 223 с.
- Розов Н. С.** Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. М.: Директ-Медиа, 2013. 292 с.
- Розов Н. С.** Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 340 с.
- Труфанов Д. О.** Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. М.: Инфра-М; Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2018. 122 с.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.

- Хайек Ф.** Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. 220 с.
- Шацкий Е.** Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
- Швырев В. С.** Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
- Фромм Э.** Психоанализ и религия. М.: АСТ, 2010. 153 с.
- Элиот Т. С.** Избранное: Религия, культура, литература. М.: РОССПЭН, 2004. 752 с.
- Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Kirk R.** *Conservative Mind: From Burke to Eliot.* Washington, Regnery Publ., 2001, 128 p.
- Prigogine I.** *The Die is Not Cast. Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19.

References

- Arendt H.** *Skrytaya traditsiya: Esse [Hidden Tradition: Essay].* Moscow, Tekst, 2008, 221 p. (in Russ.)
- Aristotle.** *Compositions.* Moscow, Mysl', 1978, vol. 2, 687 p. (in Russ.)
- Berdyaev N. A.** *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of philosophical Autobiography)].* Moscow, Mir knigi, 2006, 416 p. (in Russ.)
- Eliot T.** *Izbrannoe: Religija, kul'tura, literature [Favoriten: Religion, Kultur, Literatur].* Moscow, ROSSPEN, 2004, 752 p. (in Russ.)
- Feyerabend P.** *Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science].* Moscow, Progress, 1986, 542 p. (in Russ.)
- Fromm E.** *Psikhoanaliz i religija [Psychoanalysis and Religion].* Moscow, AST, 2010, 153 p. (in Russ.)
- Guenon R.** *Krizis sovremennogo mira [Crisis of the modern World].* Moscow, EKSMO, 2008, 784 p. (in Russ.)
- Gusejnov A. A., Lektorsky V. A. (ed.).** *Racional'nost' i ejo granicy [Rationality and Its Boundaries].* Materials of international science Conference at the International Institute of Philosophy, Moscow, 15–18 Sept. 2011. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2012, 223 p. (in Russ.)
- Hayek F.** *Kontrevoljutsija nauki. Jetjudy o zloupotreblenijah razumom [Counterrevolution of Science. Studies about the Abuse of the Mind].* Moscow, OGI, 2003, 220 p. (in Russ.)
- Hegel G. W. F.** *Filosofija religii [The Philosophy of Religion].* Moscow, Mysl', 1975, vol. 1, 532 p.; 1977, vol. 2, 573 p. (in Russ.)

- Husserl E.** Selected Works. Moscow, Territorija budushhego, 2005, 443 p. (in Russ.)
- Ilin I. A.** Spravedlivost' ili ravenstvo? Publicistika 1918–1947 godov [Justice or Equality? Journalism 1918–1947]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2006, 576 p. (in Russ.)
- Ilin I. A.** Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious Experience]. Moscow, Russkaja kniga, 2002–2003, vol. 1, 605 p. (in Russ.)
- Jaspers K.** Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, Respublika, 1994, 528 p. (in Russ.)
- Kirk R.** Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, Regnery Publ., 2001, 128 p.
- Levi-Strauss C.** Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology]. Moscow, Eksmo-Press, 2001, 512 p. (in Russ.)
- Mamardashvili M. K.** Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti [Classical and non-classical Ideals of Rationality]. Moscow, Logos, 2004, 240 p. (in Russ.)
- Markarjan J. S.** Oznachenii razrabotki osnov obshhej kul'turologicheskoj teorii dlja formirovanija ideologii samosohranenija chelovechestva [On the importance of Developing the Foundations of a common cultural Theory for the Formation of the Ideology of self-preservation of Mankind]. In: Kul'turologija iglobal'nye vyzovy sovremennosti: k razrabotke gumanisticheskoy ideologii samosohranenija chelovechestva [Culture and global Challenges of our Time: to Develop a humanistic Ideology of self-preservation of Mankind]. St. Petersburg, SPbKO Publ., 2010, pp. 17–24. (in Russ.)
- Polonskaya I. N.** Tradicija: ot sakral'nyh osnovanij k sovremennosti [Tradition: from sacred Grounds to Modernity]. Rostov on Don, Rostov Uni. Press, 2006, 269 p. (in Russ.)
- Popper K.** Otkrytoe obshhestvo i ego vragi [Open Society and Its Enemies]. Moscow, Kul'turnaja initsiativa, 1992, vol. 1, 448 p. (in Russ.)
- Popper K. P.** Predpolozhenija i oproverzhenija: rost nauchnogo znanija [Suggestions and Rebuttals: The Growth of scientific Knowledge]. Moscow, ACT Ermak, 2004, 638 p. (in Russ.)
- Prigogine I.** The Die is Not Cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19.
- Rozov N. S.** Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obrazovanija [Ideas and Intellectuals in the Flow of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education]. Novosibirsk, Manuskript, 2016, 340 p. (in Russ.)
- Rozov N. S.** Tsennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii [Values in a troubled World: philosophical

- Foundations and social Applications of constructive Axiology]. Moscow, Direkt-Media, 2013, 292 p. (in Russ.)
- Shatsky E.** Utopiya i tradicija [Utopia and Tradition]. Moscow, Progress, 1990, 456 p. (in Russ.)
- Shvyrev V. S.** Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradicija i sovremennost' [Rationality as a Value of Culture. Tradition and Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 176 p. (in Russ.)
- Simmel G.** Favoriten. Moscow, Jurist, 1996, vol. 1: Filosofija kul'tury, 671 p. (in Russ.)
- Trufanov D. O.** Racional'nost' kak fundamental'naja harakteristika social'nyh system [Rationality as a fundamental Characteristic of social Systems]. Moscow, Infra-M; Krasnoyarsk, Siberian Federal Uni. Press, 2018, 122 p. (in Russ.)
- Weber M.** Khozjajstvo i obshchestvo [Economy and Society]. Moscow, HSE Press, 2017, 432 p. (in Russ.)
- Weber M.** Selected Works. Moscow, Progress, 1990, 808 p. (in Russ.)
- Wiener N.** Kibernetika i obshhestvo [Cybernetics and Society]. Moscow, ACT, 2019, 288 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Николай Николаевич Мисюров, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Information about the Author

Nikolay N. Misyurov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor, Department of Journalism and Media Linguistics, Dostoevsky Omsk State University

*Статья поступила в редколлегию 08.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 08.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше

Елена Сергеевна Смышляева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

azumikato93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4065-3263>

Аннотация

В статье высказывается предположение, что истоки некоторых философских идей К. Леонтьева следует искать в философии А. Шопенгауэра. Раскрывается происхождение леонтьевской «деспотической идеи» и, вместе с тем, смысл понятия деспотизма, упоминание о котором в произведениях философа нередко приводило его исследователей в смущение. Выясняется место деспотической идеи в системе понятий Леонтьева: роль, которую оно играет в его теории органического развития, в учении о культурном своеобразии, а также в описании философом своего общественно-политического идеала. Прослеживается иное развитие шопенгауэровых идей в философии Ницше. Утрата метафизической основы приводит к тому, что деспотической становится не идея, а личность, наивысшее воплощение которой философ назвал сверхчеловеком.

Ключевые слова

Леонтьев, Ницше, Шопенгауэр, поработительная ассимиляция, прогресс, деспотическая идея, византизм, деспотическая личность, сверхчеловек

Для цитирования

Смышляева Е. С. Деспотическая идея и деспотическая личность: два варианта деспотизма в философских учениях К. Леонтьева и Ф. Ницше // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 52–62. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Despotic Idea and Despotic Personality: Two Variants of Despotism in the Philosophy of K. Leontiev and F. Nietzsche

Elena S. Smyshlyayeva

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
azumikato93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4065-3263>

Abstract

The article suggests that the origins of some of Leontiev's philosophical ideas should be sought in the philosophy of A. Schopenhauer. It reveals the origin of Leontiev's "despotic idea" and, at the same time, the meaning of the term despotism, the mention of which in Leontiev's texts used to confuse his contemporaries. The article clarifies the place of despotic idea in Leontiev's conceptual system, its role in his theory of organic development, in his doctrine of cultural distinctness and in the philosopher's description of his social and political ideal. An original development of Schopenhauer's ideas in Nietzsche's philosophy is demonstrated. The loss of the metaphysical foundation leads to the fact that it is not the idea that becomes despotic, but the personality, whose highest embodiment the philosopher called the overman.

Keywords

Leontiev, Nietzsche, Schopenhauer, subduing assimilation, progress, despotic idea, Bysantinism, despotic personality, overman

For citation

Smyshlyayeva E. S. Despotic Idea and Despotic Personality: Two Variants of Despotism in the Philosophy of K. Leontiev and F. Nietzsche. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 52–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-52-62

Константин Леонтьев – один из самых своеобразных мыслителей в истории философии. В наши дни его творчество относят к консервативному направлению русской мысли¹ – направлению, которое до сих пор остается малоизученным. И при жизни Леонтьева консервативные идеи не пользовались популярностью: в глазах философского сообщества он оставался одиноким, малоизвестным и малопонятым мыслителем. Поскольку, на первый взгляд, он не имеет ни

¹ «Особое значение приобретает выявление общего и отличного в теоретических построениях "славянофилов" и "консерваторов-государственников". Представители последней группы, имея аналогичные со своими предшественниками взгляды на наличие самобытного пути развития России, более остро ставили вопрос о необходимости жёсткой государственной власти для противодействия политической, экономической и духовной экспансии Запада. Подобный культ государственности всегда отвергался славянофилами, выступавшими в большей мере как либеральные монархисты, чем как монархисты-охранители» [Репников, 1999, с. 5].

предшественников, ни продолжателей, нелегко исследовать его творчество, не всегда удастся отыскать источник той или иной его идеи.

Так, к примеру, знаток творчества Леонтьева Ю. П. Иваск в своем обширном труде «Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество» приводит такую цитату: «*Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет*» [Леонтьев, 2005, с. 383]² – и признается: «Откуда именно Леонтьев взял эти определения формы, мне установить не удалось, но едва ли он сам до них додумался» [Иваск, 1995, с. 201].

Вопрос действительно небезынтересный, ведь деспотическая идея, которая лежит в основе данного определения, используется Леонтьевым и в критике современных ему политических течений, и при формулировании собственного политического идеала. Леонтьев в истории философии известен прежде всего концепцией триединого процесса развития, и в ней деспотическая идея также играет важную роль. «Всё вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне*, а потом ещё более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”» [Леонтьев, 2005, с. 379]. Закон, изначально обнаруженный в живой природе, приобретает универсальное значение: Леонтьев пишет, что триединый процесс свойствен не только органическому миру, но и «всему существующему в пространстве и времени» [Там же], так что любое явление от момента своего зарождения до гибели проходит три стадии: 1) первоначальной простоты; 2) цветущей сложности; 3) простоты вторичной [Там же]. Деспотическая идея обеспечивает явлению цветущую сложность; когда деспотизм её ослабевает, начинается разложение.

И государство, как всякое явление, должно иметь своим основанием особую деспотическую идею: «Государство есть... как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинаясь некоему таинственному, не зависящему от нас деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи» [Там же, с. 385]. Деспотическая идея, организующая русскую общественную жизнь, – византизм. Она складывается из нескольких частных идей: в государственной сфере – самодержавие, в религиозной – христианство восточного

² Определение Леонтьев поясняет примерами: «Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи. Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно, при известных условиях, оставаясь само собою, кристаллизаться призмами, другое октаэдрами и т. п. Иначе они не смеют, иначе они гибнут, разлагаются» [Леонтьев, 2005, с. 383].

образца, в нравственной – уверенность в несовершенстве человека и разочарование в земном.

В то время, когда в свет вышла фундаментальная работа Леонтьева «Византизм и славянство», деспотизм указанной им идеи ослабевал. Либеральные реформы Александра II, как считал Леонтьев, толкнули российское общество на западный путь. Они пошатнули положение двух столпов русской жизни – дворянского и крестьянского сословий: неудачно проведенная отмена крепостного права упростила общественную структуру; появились учреждения на европейский манер – суды присяжных, земское самоуправление; с открытием светских земских школ ослабло церковное попечение над образованием. Православие и самодержавие вытеснялись сначала из идеологического пространства, а потом и из человеческих душ. В такое время всеобщего брожения задача философа, считал Леонтьев, – встать на сторону деспотической идеи, которая одна только и может обеспечить русской культуре самостоятельное развитие.

Богатый материал для философских обобщений Леонтьеву предоставили естественные науки: именно из них Леонтьев вывел свой триединый закон. Однако пристрастием философа к чтению естественно-научных трудов появление в его философском учении деспотической идеи объяснить не получается. На том же самом материале основывался и английский философ-позитивист Г. Спенсер, но в его концепции развития деспотическую идею мы не встретим. «Сущность всего прогресса... заключается в превращении однородного в разнородное» [Спенсер, 1999, с. 47] – многочисленными примерами Спенсер иллюстрирует свою основную мысль, находя их не только в биологии, но и в астрономии, геологии, истории искусств, языка, в социологии и вообще в любой части окружающей действительности. Леонтьев до определённого момента совпадает со Спенсером; он вполне разделяет представление, что усложнение должно пониматься прежде всего как движение от однородности к неоднородности. Для Леонтьева развитие есть *«Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление... Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего»*. Однако дальше Леонтьев добавляет: *«...и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством»* [Леонтьев, 2005, с. 374].

Можно ли считать деспотическую идею простой особенностью вкуса Леонтьева, выражением часто приписывавшейся ему склонности к одобрению насилия

и изуверств ³? Или же она имеет глубокие корни в предшествующей философии? Где же, в чьей философской системе можно найти её истоки?

Современный исследователь творчества Леонтьева, А. П. Козырев, называет леонтьевскую теорию формы, в центре которой – власть деспотической идеи, аристотелевской [Козырев, 2015, с. 13]. Соединение в вещи формы и материи – это и правда по-аристотелевски. Однако материя, по Аристотелю, пассивна, она никуда не стремится сама по себе, соответственно, нет необходимости её насильственно удерживать. Поэтому другой исследователь, П. А. Сапронов, отвергает греческие корни деспотической идеи. Подробно проанализировав указанное понятие в учении Леонтьева и отметив его важность в целом, он приходит к выводу: «Такого акцента именно на деспотизме и насильственности формы больше ни у кого не встретишь» [Сапронов, 2008, с. 413]. Все же и с этим нельзя согласиться. Ведь стоит только заострить внимание на том, что о неодушевленных предметах Леонтьев говорит «хочет», «смеет» ⁴, как на ум приходит другой философ. Философ, которого Леонтьев очень ценил и у которого картина мира как раз таки сплошь состоит из батальных сцен. Это, конечно, Артур Шопенгауэр.

В его масштабной философской системе нашлось место и для своеобразной теории развития, которую он противопоставил набиравшим тогда силу научным теориям. Здесь мы и встречаемся с деспотическими идеями. Хоть Шопенгауэр и утверждает, что под идеями в его сочинениях всегда подразумеваются платоновские эйдосы, легко заметить, что у него идеи выглядят совсем иначе, нежели у Платона. Они не просто мирно сосуществуют в занебесной области – они становятся зачинщиками борьбы, которая кипит в природе. Высшая идея захватывает низшие и встраивает в себя, то есть осуществляет в их отношении поработительную ассимиляцию. Такое вновь образованное сложное единство становится более совершенным воплощением воли ⁵.

³ «Он не выносил умеренности и середины и дошел до самого крайнего изуверства, сделался проповедником насилия, гнета, кнута и виселицы» [Бердяев, 1995, с. 210]; «Под влиянием постоянной паники он взывал к насилию и реакции, которую сам же признавал бесплодной; она же внушала ему обскурантизм и крепостничество и вдохновляла самые отвратительные страницы его произведений» [Трубецкой, 1995, с. 153].

⁴ «...форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своего полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом» [Леонтьев, 2005, с. 383].

⁵ «...объективирующая себя во всех идеях единая воля в своем стремлении к возможно более высокой объективации жертвует здесь низшими ступенями своего проявления после их борьбы, чтобы тем могущественнее проявиться на более высокой ступени» [Шопенгауэр, 1999, с. 135].

Будучи покоренными, но не уничтоженными, низшие идеи рвутся на свободу. Высшей идее всякий миг приходится преодолевать их противодействие. Например, кислота в желудке, кальций в костях – всё это идеи низших уровней, которые лишь вынужденно подчиняются высшей идее организма. Шопенгауэр повторяет вслед за Я. Бёме, что живые существа наполовину мертвы, ведь победа неорганических сил в них – лишь вопрос времени⁶. Разлагая сложное образование, низшие идеи, конечно, поступают «неразумно», ведь оно выражает и эти идеи тоже, причем на более высоком уровне. Но, по-видимому, им не избежать общего порока всех объективаций – их эгоизма, порожденного расщеплением единой воли в мире представлений. Каждая идея считает себя самодостаточным воплощением воли и не торопится сотрудничать с другими, её к этому приходится принуждать. Только так, удерживая разбегающиеся части крепкой рукой, воля может сделать шаг вперед.

Итак, шопенгауэровская концепция развития, в которой ключевую роль играли идеи, Леонтьеву очень подходила. Его политическая критика получала таким образом философскую основу. Опираясь на идеи великого предшественника, он мог со всей смелостью заключить: «...эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма – сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, как процесс разложения» [Леонтьев, 2005, с. 384].

Важно не только то, что у Леонтьева идеи были деспотическими, но и то, что деспотическими были именно идеи. Духовное содержание он поставил во главу угла и при рассмотрении современных ему политических движений руководствовался этим критерием: имеет политическое движение своей основой особую деспотическую идею или, напротив, борется с ней. В работе «Византизм и славянство» Леонтьев проводит мысль, что византизм может скрепить общество и способствовать его процветанию, а славизм не может, поскольку первый основан прежде всего на религиозной идее, а второй – на идее крови. Славизма как такового не существует, есть только славянство, совокупность славянских народов. Принадлежность к славянскому племени ещё не составляет деспотической идеи, могущей служить основой государственного и культурного строи-

⁶ «...рано или поздно покоренные силы природы, пользуясь благоприятными условиями, отвоевывают у изнуренного постоянным успехом организма отторгнутую от них материю и достигают беспрепятственного проявления своей сущности» [Шопенгауэр, 1999, с. 136].

тельства. Безыдейность племенной политики, по Леонтьеву, есть предпосылка разлития демократизма и дальнейшего всесмещения. Национализм, как ни странно, ведёт нацию к потере самобытности: борьба народа за политическую самостоятельность превращается в борьбу за европейские учреждения, конституции и парламенты, то есть за перенесение на свою почву чужих форм политической и общественной жизни.

У Шопенгауэра был ещё один последователь, заимствовавший и творчески переработавший ряд положений его философии. Представления о том, что переход на более высокую ступень развития всегда связан с увеличением напряжения, с деспотизмом, с насилием, что воля стремится не только к познанию, но и к власти, нашли отражение в философии Фридриха Ницше. Вот только субъектом господства у Ницше становится не идея, а личность.

Сами идеи Ницше понимает как ещё одно средство установления личной власти, причём средство не самое благородное. Духовной властью пользуется тот, кто недостаточно силён, чтобы осуществлять свою власть напрямую, тот, кто не может победить в честном поединке и потому пытается воздействовать на ум и душу. Идея внедряется подобно вирусу в организм противника и нарушает естественный строй его инстинктов. Так, по Ницше, погибла Римская империя. «*Imperium Romanum...* это поразительнейшее творение в монументальном стиле... Организация была столь крепкой, что выносила и дурных императоров... Но она была недостаточно прочной, чтобы противостоять наихудшему виду порчи – *христианину*» [Ницше, 2009, с. 177]. Ницше противопоставляет римское дело и христианскую идею. Для него Рим – колоссальная стройка, истина вещей, инстинкт реальности⁷; христианство – лишь дорога жреца к господству.

С помощью деспотической идеи христианские священники не только погубили Рим, но и перевернули с ног на голову уже европейскую историю Средних веков: привитое германцам, христианство заставило их направлять властные импульсы внутрь себя, породив тем самым феномен нечистой совести. Оно ловко находило слабые места даже у таких крепких и выносливых людей, не улучшая их, но укрощая, «цивилизуя». В результате духовное творчество остановилось на столетия; нынешний упадок европейской культуры – следствие многовекового насилия идеи над европейским человечеством.

⁷ «Нечисть скрытно, неслышно подкрадывалась...к каждому, тянула его соки, отнимая серьёзный взгляд на *истину* вещей, отнимая инстинкт *реальности*: шайка трусливых, медоточивых и женоподобных разбойников постепенно, незаметно уводила с колоссальной стройки “*души*” самых ценных, мужественно-благородных людей, для которых цели Рима были делом всей их жизни, их пафоса, их гордости» [Ницше, 2009, с. 177].

Не вызывает удивления, что Ницше призывает отдельных одарённых личностей (*wohlgerathen*, тех, кто «хорошо получился») сбросить с себя иго христианства. Всё ещё идёт «растление душ понятиями вины, кары и бессмертия» [Ницше, 2009, с. 177]; христианство всё ещё сковывает природные силы высших людей, подчиняя ложной догме любви к ближнему. Поскольку Ницше изначально не считает деспотические идеи необходимым элементом общественного организма⁸, то и расставание с ними не кажется ему катастрофой. Телесного и душевного здоровья должно быть достаточно для культурного строительства. У Ницше не найти ответа на вопрос, адресованный либералам Константином Леонтьевым: «Свобода! Освобождение!.. Но от чего и во имя чего? Во имя каких это новых созидających, т. е. *стеснительных*, принципов?» [Леонтьев, 2006, с. 8]. Ницше не допускает такой постановки вопроса: у него созидающий – человек, и этот созидающий разбивает прежние скрижали и встаёт во весь рост, именно когда «нет более никаких общих формул» [Ницше, 2012, с. 201].

У Шопенгауэра явления служили воплощениями идей, у Ницше же остались одни явления. Саму идею деспотизма Ницше, несомненно, у Шопенгауэра почувствовал, но будучи противником всякого идеализма, он не мог смириться с тем, что это – деспотизм идей. Ему был нужен другой деспотизм, деспотизм непосредственный, произвольный, а не опосредованный идеями и в конечном счете всего лишь умопостигаемый. Даже его сверхчеловек не выражает никакой деспотической идеи; это деспотическая личность, сущность которой, по смыслу выбранного слова, заключается в превосходстве над другими. Ему не обеспечена вечность в мире идей; у него другая вечность – вечность целого мира, вечное возвращение того же самого.

Леонтьев оказался более прилежным учеником Шопенгауэра. Деспотизм идеи он лишь перенес с мирового уровня на цивилизационный. Его объединённые под властью деспотической идеи явления – это целые цивилизации, самобытные культурные миры.

⁸ Даже описывая образцовые, с его точки зрения, общества (Рим, Индия, Россия), Ницше не указывает их духовной основы. Остаётся неизвестным, на чём стояла Римская империя. В России, «единственной державе, у которой сегодня есть будущность» [Ницше, 2009, с. 87], Ницше усматривает волю, «инстинкт, императив, антилиберальный до ярости» [Там же] – этот инстинкт и не должен искать себе духовного выражения, ведь «инстинкт ослаблен, если он рационализируется» [Ницше, 2012, с. 411]. Индийское кастовое общество восхищает Ницше тем, что оно «освящает *порядок природы*, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь "современная идея"» [Ницше, 2009, с. 174].

Список литературы

- Бердяев Н. А.** К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 208–234.
- Иваск Ю. П.** Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 2. С. 229–650.
- Козырев А. П.** Разбиватель стекол // Самопознание. 2015. № 3. С. 10–14.
- Леонтьев К. Н.** Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7, кн. 1. С. 300–443.
- Леонтьев К. Н.** Передовые статьи «Варшавского дневника» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 7, кн. 2. С. 7–108.
- Ницше Ф.** Антихристианин // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 107–185.
- Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 9–227.
- Ницше Ф.** Случай «Вагнер» // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 383–422.
- Ницше Ф.** Сумерки идолов // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 9–107.
- Репников А. В.** Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ, 1999.
- Сапронов П. А.** Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008.
- Спенсер Г.** Прогресс, его закон и причина // Опыты научные, политические и философские: В 3 т. Минск: Совр. литератор, 1999. Т. 1. С. 22–72.
- Трубецкой С. Н.** Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 123–159.
- Шопенгауэр А.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Республика, 1999. Т. 1. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum. In: Digitale Kritische Gesamtausgabe. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/AC> (accessed 01.10.2021).

References

- Berdyaev N. A.** K. Leontiev – filosof reakcionnoj romantiki [K. Leontiev is a philosopher of reactionary romanticism]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 1, pp. 208–234. (in Russ.)

- Ivask Yu. P.** Konstantin Leontiev (1831–1891). Zhizn' i tvorchestvo [Konstantin Leontiev (1831–1891). Life and work]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 2, pp. 229–650. (in Russ.)
- Kozyrev A. P.** Razbivatel' stekol [The glassbreaker]. *Samopoznanie*, 2015, no. 3, pp. 10–14. (in Russ.)
- Leontiev K. N.** Peredovye stat'i "Varshavskogo dnevnika" [Leading articles of the Warsaw Diary]. In: Leontiev K. N. Complete set of works. In 12 vols. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2005, vol. 7, book 2, pp. 7–108. (in Russ.)
- Leontiev K. N.** Vizantizm i Slavjanstvo [Byzantinism and Slavism]. In: Leontiev K. N. Complete set of works. In 12 vols. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2005, vol. 7, book 1, pp. 300–443. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Antihristianin [The Antichrist]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, vol. 6, pp. 107–185. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Po tu storonu dobra i zla [Beyond Good and Evil]. In: Nietzsche F. Complete set of works. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5, pp. 9–227. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Sluchaj «Wagner» [The Wagner Case]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5, pp. 383–422. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Sumerki idolov [Twilight of the Idols]. In: Nietzsche F. Poln. sobr. soch. [Complete set of works]. In 13 vols. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, vol. 6, pp. 9–107. (in Russ.)
- Nietzsche F.** Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum. In: Digitale Kritische Gesamtausgabe. URL: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/AC> (accessed 01.10.2021).
- Repnikov A. V.** Konservativnaya koncepcija rossijskoj gosudarstvennosti [The conservative conception of Russian statehood]. Moscow, Signal, 1999. (in Russ.)
- Sapronov P. A.** Russkaja filosofija. Problema svoeobrazija i osnovnye linii razvitija [Russian philosophy. The problem of originality and the main lines of development]. St. Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 2008. (in Russ.)
- Schopenhauer A.** Set of works. In 6 vols. Moscow, Respublika, 1999, vol. 1.
- Spenser G.** Progress, ego zakon i prichina [Progress: Its Law and Cause]. In: Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Essays: Scientific, Political, and Speculative]. In 3 vols. Minsk, Sovremennyy literator, 1999, vol. 1, pp. 22–72. (in Russ.)
- Trubetskoy S. N.** Razocharovannyj slavjanofil [The disappointed slavophile]. In: Konstantin Leontiev: pro et contra. St. Petersburg, RCHI Press, 1995, vol. 1, pp. 123–159. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Сергеевна Смышляева, аспирантка

кафедра истории зарубежной философии, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Information about the Author

Elena S. Smyshlyeva, postgraduate

Department of History of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редколлегию 17.11.2021;

одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022

The article was submitted 17.11.2021;

approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022

Краткое сообщение

УДК 101 + 378

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-63-75

Развитие виртуальной коммуникации в молодежном научно-образовательном пространстве

Владимир Валерьевич Петров¹

Екатерина Михайловна Лбова²

^{1,2} Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ v.v.p@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

² kate.lbova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Аннотация

Интенсивная виртуализация научно-образовательного пространства, происходящая под воздействием глобализационных преобразований, серьезно ограничивает реальное взаимодействие потенциальных участников научных проектов и мероприятий, особенно международного уровня, но существенно расширяет географию.

При этом возрастает роль молодежных научных сообществ, которые, динамично адаптируясь к цифровым трансформациям среды, способны формировать новые традиции, оказывающие серьезное влияние на вектор перспективных научных исследований.

Ключевые слова

научная школа, молодежное сообщество, научные исследования, виртуальное взаимодействие

Для цитирования

Петров В. В., Лбова Е. М. Развитие виртуальной коммуникации в молодежном научно-образовательном пространстве // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 63–75. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-63-75

Virtual Communication Development in Youth Scientific and Educational Space

Vladimir V. Petrov¹, Ekaterina M. Lbova²

^{1,2} Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ v.v.p@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

² kate.lbova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8748-5095>

Abstract

The intensive virtualization of the scientific and educational space, which is taking place under the influence of globalization transformations, seriously limits the real interaction of potential participants in scientific projects and events, especially at the international level, but significantly expands the geography.

At the same time, the role of youth scientific communities is growing, which, dynamically adapting to the digital transformations of the environment, are able to form new traditions that have a serious impact on the vector of promising scientific research.

Keywords

scientific school, youth community, scientific research, virtual interaction

For citation

Petrov V. V., Lbova E. M. Virtual Communication Development in Youth Scientific and Educational Space. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 63–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-63-75

В условиях общества XXI века знание в виде транслируемой информации получило форму товара и на стоимостных основаниях активно включилось во все уровни социокультурных отношений, став неоспоримым конкурентным преимуществом. Резко возросшая ценность знания вкупе с интенсивной цифровизацией и виртуализацией научно-образовательного пространства привели к пространственным сдвигам в распределении научно-исследовательских и образовательных центров, что выражается в уменьшении зависимости «колония – митрополия», определяющей мировоззрения, позиции мира, глобальные тренды, идеи, идеалы, представления и ценности [Петров, 2019]. Помимо этого нарастающая глобализация способствует усилению дистанционной взаимосвязи как между университетами внутри каждой страны, так и между национальными системами науки и образования на мировом рынке труда и компетенций. В из-

менившейся ситуации особенно возрастает роль молодежных научных сообществ, которые, динамично адаптируясь к цифровым трансформациям среды, способны формировать новые традиции, оказывающие серьезное влияние на вектор перспективных научных исследований.

11–13 октября 2021 г. в новосибирском Академгородке состоялась XIX Международная научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Основным направлением работы конференции в 2021 году стала тема: «Традиция и неотрадиция в условиях неопределенности». Организаторами мероприятия выступили Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН и Техасский университет в Остине (США). Работа конференции была организована на площадках Новосибирского государственного университета, Института философии и права СО РАН и в «Точке кипения» Технопарка новосибирского Академгородка. Всего на конференцию было подано 137 заявок от молодых ученых, аспирантов и студентов из разных городов России и зарубежных стран. Конференция проходила в смешанном очно-дистанционном формате, позволив наладить онлайн-коммуникацию между представителями различных городов, стран и континентов.

Открывая пленарное заседание, с вступительным словом к участникам и слушателям конференции обратилась директор Института философии и права (ИФПР) СО РАН, д-р филос. наук, доцент Марина Николаевна Вольф; затем заместитель директора Института философии и права НГУ канд. филос. наук, доцент Владимир Валерьевич Петров, ведущий научный сотрудник ИФПР СО РАН канд. филос. наук Анатолий Михайлович Аблажей, внесшие значительный вклад в создание и развитие ежегодной молодежной научной конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Первый доклад на пленарной секции, посвященный становлению и развитию историко-философской школы новосибирского Академгородка, представила д-р филос. наук, доцент Марина Николаевна Вольф, в котором она проследила более чем полувековой путь от возникновения кафедры философии и научного коммунизма НГУ до Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, который был создан как Институт философии и права в составе Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР в 1990 году для дальнейшего развития научных исследований в области философии, социологии и права, а в 2006 г. на основании Постановления Президиума Российской академии наук стал самостоятельным научным учреждением. Она отметила, что немаловажную роль в подготовке научных кадров для школы сибирской философии сыграл фило-

софский факультет НГУ, вошедший в дальнейшем в состав Института философии и права Новосибирского государственного университета. Владимир Валерьевич Петров (канд. филос. наук, доцент, Новосибирский государственный университет, ИФПР СО РАН) в своем выступлении уделил внимание влиянию пандемии коронавируса 2020 г. на российскую образовательную и научную системы, обозначив динамику вовлечения выпускников исследовательского университета в научную деятельность, и отметил рост численности молодежных кадров в науке на фоне снижения привлекательности внебюджетной сферы занятости. Алексей Сергеевич Кудинов (канд. юрид. наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации) также затронул тему, связанную с пандемией коронавирусной инфекции, рассмотрев ее влияние на санкции. Владимир Юрьевич Перов (канд. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет) рассказал присутствующим о современной специфике таких направлений как нейроэтика и биоэтика. Григорий Андреевич Илларионов (канд. филос. наук, Сибирский федеральный университет) рассмотрел проблему аутентификации традиции в связи с ограниченностью уже существующих исследовательских подходов (объективизма и конструктивизма), а также и с общественно-политической значимостью. Докладчик предложил для решения данной проблемы разделить объективируемую сторону традиции и ее феноменологическую сторону, найдя между ними третий связующий элемент – процесс медиатизации социума. Светлана Александровна Мадюкова (канд. филос. наук, ИФПР СО РАН) в своем выступлении рассматривала специфику этнокультурного неотрадиционализма, пытаясь ответить на вопрос, трансформация ли это традиции или новодел. Пленарная секция завершилась докладом Крейга Кэмпбелла (Craig Campbell, PhD, Associate Professor, Department of Anthropology, The University of Texas at Austin). Профессор Кэмпбелл, рассуждая о темпоральностях традиции, используя концепцию семиосферы, рассмотрел отношение к употреблению существительного «тунгусы» применительно как к этническим группам, так и к названиям географических и природных объектов, а также к объектам повседневности (названия напитков, ресторанов).

В рамках панельной дискуссии «Tradition and Remediation», которая состоялась в Новосибирском государственном университете, выступили коллеги из США: Крейг Кэмпбелл (C. Campbell, PhD); Мария Сидоркина (M. Sidorkina, PhD); Кари Андреев (Kari Andreev). Крейг Кэмпбелл в своем докладе уделил внимание представлению культуры коренных народов Севера в кинематографе. Его студентка, Кари Андреев, рассказала о специфике присутствия искусства якутов Олонхо в социальных сетях. Мария Сидоркина познакомила слушателей

с интересным взглядом на сущность таких событий как «Тотальный диктант» и «Бессмертный полк». Согласно ей, оба этих мероприятия являются не только возможностью выразить чувство общности и солидарности, но и своеобразным выражением гражданской оппозиции, реакцией на непродуманные реформы в сфере высшего образования. После докладов состоялась оживленная дискуссия между всеми присутствующими на заседании участниками. В рамках секционных заседаний участники получили возможность тесного общения и детального обсуждения широкого спектра профессиональных вопросов. В работе секции истории философии (модераторы – канд. филос. наук В. В. Бровкин, канд. филос. наук А. А. Санженakov) в этом году приняли участие как иногородние участники в дистанционном формате, так и докладчики из Новосибирска. Тематический и хронологический разбросы традиционно были большими: от Гераклита до Х. Аренд, от методологии истории философии до средневекового мистицизма. Дистанционно доклады представили коллеги из Москвы и Санкт-Петербурга. Алина Сергеевна Кондакова (Санкт-Петербург, СПбГУ) сделала доклад о миметической теории Рене Жирара. Особенность миметического подхода заключается в том, что этот подход «ограничивает власть историка философии над текстом, наделяя последнего определенной долей активности, и, таким образом, делает его действительным участником дискуссии, давая руководство к тому, как следует удерживаться от обезразличивания и мифологизации другого, с одной стороны, а также от всякого рода гегемонии самотождественности, с другой». Алина Зауровна Ананьева (Москва, МГУ) в своем докладе провела сравнительный анализ историко-философских взглядов Бернарда Уильямса и Робина Джорджа Коллингвуда. Докладчик обнаруживает некоторые сходства между двумя этими философами. В частности, они сходным образом смотрят на процедуру объяснения действий исторических деятелей. Коллингвуд использует понятие «исторического объяснения», а Уильямс – понятие «внутренней интерпретации». «Историк способен правдоподобно объяснить действие агента в том случае, когда он воспроизводит, пусть в другом контексте, логический вывод между предпосылками аргументации агента и действиями агента». Алина Юрьевна Фотева (Санкт-Петербург, СПбГУ) сделала дистанционный доклад «Критика трансцендентально-феноменологической традиции И. Канта, И.Г. Фихте и Э. Гуссерля». В докладе отмечаются болевые точки феноменологического проекта Гуссерля (отсутствие практической применимости, закрытость его теории), которые так или иначе предопределены предыдущей традицией – философскими системами И. Канта и И.Г. Фихте. По сути, утверждает докладчик, проект Гуссерля – это синтез этих систем, что видно из понятия интенциональности, которое «сохраняет дуализм предметности и деятельности на трансцендентальном

уровне, и выявляет деятельностную сторону феноменального опыта сознания». Тему трансцендентализма продолжила Регина Максимовна Галенко (Санкт-Петербург) в своем докладе «Вещь сама по себе как объект критики с позиции трансцендентальной философии И. Г. Фихте». В докладе прослеживается ревизионистская линия Фихте по отношению к кантианской вещи самой по себе, которую, с точки зрения Фихте, неверно понимать в качестве объекта, который наделен «реальностью существования, не будучи соотнесённым с интеллигенцией». Изначально в кантовской философии присутствовало правильное понимание вещи самой по себе как того, что возникает через мышление, и уже после этого примысливается явлениям. Таким образом, интерпретация, предложенная Фихте, призвана окончательно вывести кантианскую философию за пределы реализма. Александр Александрович Львов (Санкт-Петербург, СПбГУ) в докладе «Канон и традиция как эвристические ориентиры в работе историков философии» представил способы канонизировать стратегии мышления через выстраивание единой линии развития истории мысли. Традицию в данном контексте докладчик предлагает понимать как методологический инструмент философа, стремящегося продолжить способы работы своих избранных предшественников. Доклад Рудина Олега Владимировича (Новосибирск, ИФПР СО РАН) был посвящен рассмотрению разных интерпретаций двух известных анекдотов о Гераклите. В своем докладе Олег Владимирович постарался обосновать точку зрения, согласно которой враждебность Гераклита по отношению к установленным религиозным обрядам в действительности была ничем иным, как стремлением защитить и сохранить традицию в ее исконном примордиальном значении. Евгений Валерьевич Быков (Новосибирск, НГУ) посвятил свой доклад Мейстеру Экхарту. Докладчик рассмотрел вопрос о том, какое место данный философ занимал в европейской мистической традиции. Был сделан вывод о том, что Мейстер Экхарт во многом опирался на неоплатоников, но его интерпретация обращения к «внутреннему» через отрешенность от чувственно-воспринимаемого мира была более глубокой и проработанной. Егорова Оксана Сергеевна (Новосибирск, ИФПР СО РАН) выступила с докладом, посвященным образу Аристотеля в России в XVIII–XIX вв. Докладчик отметил, что представления об Аристотеле в России в этот период носили весьма поверхностный характер и были связаны с двумя моментами. Во-первых, Аристотель ассоциировался с Ликеем и перипатетической традицией. Во-вторых, об Аристотеле часто упоминали как об учителе Александра Македонского. Автор доклада отметил, что одним из главных источников об Аристотеле было произведение Диогена Лаэртского «Жизнеописания философов». Лунев-Коробский Олег Александрович (Новосибирск, НГУ) выступил с докладом о «французском неогегельянстве» в контексте

русскоязычной философии. Согласно докладчику, «французское неогегельянство» как понятие весьма условно, идеи его представителей разнообразны и наследуют традиции эклектизма, заложенной В. Кузенем. Докладчик отметил, что выделять «французское неогегельянство» в отдельное течение проблематично, потому что экзистенциализм и феноменология во Франции как более оформленные течения так или иначе включают в себя «французских неогегельянцев». Автором последнего доклада стал Мишако Роман Юрьевич (Новосибирск, ИФПР СО РАН). Докладчик посвятил свое выступление роли А. В. Луначарского в становлении советской философии образования. Как отметил докладчик, А. В. Луначарский разработал свою концепцию образования, опираясь на материалистическую философию в трактовке В. И. Ленина. В конечном итоге, именно такой подход в образовании позволил СССР в короткие сроки преодолеть массовую безграмотность среди населения.

В ставшей уже традиционной секции «Социальная философия и философия образования» (модератор – канд. ист. наук Екатерина Михайловна Лбова, ИФПР СО РАН) была представлена чрезвычайно широкая география участников. Тематика сообщений затронула различные проблемы социально-философского дискурса: от теоретических вопросов философии науки до рассмотрения результатов конкретных социологических исследований. Заседание секции началось с дистанционного доклада Екатерины Сергеевны Абрамовой (Москва, МГУ), посвященного стереотипам русской культуры, отображенных в японских учебниках по русскому языку как иностранному. Анализ более чем десяти пособий, изданных в Японии, позволили докладчику сделать вывод о том, что наличие в числе составителей учебника русскоязычного специалиста позволяет не только избежать грамматических и стилистических ошибок, но и сформировать у обучающихся более объективное и позитивное представление о современной русской культуре. Специфику того, как на самом деле работает наука, методами социологии рассмотрела в своем докладе Надежда Валерьевна Николина (Томск, ТГУ). Докладчик проанализировала произведение Б. Латура «Три маленьких динозавра, или ночной кошмар социолога», в котором в метафорической форме было предложено рассмотрение проблемы раскола между реальностью и утверждением о реальности на примере описания трех динозавров: Релзавра (природа), Саентозавтра (наука), Попзавра (научно-популярная литература). Татьяна Константиновна Скрипкина (Новосибирск, ИФПР СО РАН) обозначила проблему отсутствия четкого определения новых медиа и постаралась восполнить этот пробел путем выделения трех групп критериев, по которым в настоящее время оценивают медиа: вовлеченность в интернет-среду; мультимедийность, конвергентность; интерактивность. Практические результаты научного исследо-

вания, направленного на выявление связи этнической идентичности и стратегий межэтнической интеграции в урбанизированной полиэтнической среде у юношества, представил на заседании секции Федор Сергеевич Фомкин (Новосибирск, ИФПР СО РАН). Анализ проведенных им опросов показал низкий уровень доверия к политикам и государственным институтам и отсутствие чувства политической эффективности у большинства респондентов. Екатерина Михайловна Лбова (Новосибирск, ИФПР СО РАН), в своем докладе «Реформа РАН: причины и обоснования», рассмотрела сумму причин и факторов, приведших к реформе Российской академии наук 2013 г. Докладчик опроверг бытующее в обществе убеждение о спонтанности и непродуманности реформы через анализ постсоветской государственной научной политики. Заседание секции завершилось дистанционным докладом Елизаветы Ивановны Спешиловой (Великий Новгород, НГУ им. Ярослава Мудрого). Докладчик проанализировала последствия внедрения технологий искусственного интеллекта в образования для современных образовательных практик.

В рамках работы секции «Традиция и неотрадиция в современном социогуманитарном дискурсе» (модератор – канд. филос. наук Мадюкова Светлана Александровна) было представлено несколько направлений. Первый тематический блок секции был посвящен общетеоретическим и методологическим исследованиям проявлений неотрадиционализма в различных сферах социального бытия (в частности, исследование сетевого феминизма как новой идейной практики или трансформации традиционных взглядов; изучение политологического аспекта традиций; анализ экспериментальной этики как неотрадиции; а также попытка выяснить, что есть неотрадиция: замаскированная утопия или симптом утраты способности надеяться?). Второй тематический блок секции был посвящен этнокультурной проблематике и роли традиций и неотрадиций в межэтнических взаимодействиях. Доклады касались конкретных проблем сохранения и трансляции этнических традиций у народов, проживающих на территории Российской Федерации (например, цыган в городских сообществах), а также поликультурных пространств разного уровня локализации (город и сетевые социальные медиа как этнически маркированные пространства; особенности функционирования этнокультурной идентичности в условиях развития традиционной культуры). Большой интерес у аудитории вызвал доклад, посвященный китайской лингвокультуре в условиях глобализации (с привлечением корпусных данных).

Секция «Аналитическая философия» (модератор – канд. филос. наук Моисеева Анна Юрьевна) прошла с участием коллег из-за рубежа, из Университета Сиенны. Российская география секции охватывала Санкт-Петербург, Екатеринбург,

Томск и Новосибирск. Большинство участников представили доклады по различным вопросам онтологии, эпистемологии и логики, но были доклады и в менее привычных областях, таких как аналитическая теология и аналитический феминизм. Живой интерес слушателей вызвал доклад о декартовской теории субъекта. Следует отметить также изменение возрастного состава участников: помимо молодых ученых, в секции в этом году принимали участие и старшие коллеги.

В работе секции «Правовые исследования, философия права» (модератор – Анастасия Николаевна Артемова) приняли участие молодые учёные из Москвы, Самары, Новосибирска, Владивостока и ряда других. Докладчики представили результаты своих исследований, посвящённые актуальным проблемам таких отраслей права, как конституционное, уголовное, гражданское. По традиции конференции особое внимание было уделено вопросам философии права, в частности взаимосвязи права и морали. Большой интерес и оживлённую дискуссию вызвали доклады, посвящённые таким актуальным темам, как внесение изменений в Конституцию РФ, правовые аспекты коронавирусной инфекции, нелегальный оборот органов и тканей человека.

В рамках секции «Биоэтика» (модераторы – д-р филос. наук Барбашина Эвелина Владимировна, Бебякин Данила Валерьевич) было представлено семь докладов. В докладе «Методологические подходы к анализу биосоциальности» (О. В. Попова, В. В. Попов) были проанализированы такие методологические подходы, как культурный, субкультурный и синдемический. Показана их значимость для анализа биосоциальности и рассмотрен вариант объединения данных подходов. В рамках конференции также была представлена работа В. А. Ветрова «Проблема неидентичности в генетике: консеквенциалистский подход», в которой автор отразил применение консеквенциалистского подхода, его сильных сторон и ограничений, к проблеме неидентичности в генетике. О. В. Изотова в своём выступлении по теме «Реализация биоэтических принципов в контексте феноменологии» раскрыла роль феноменологического подхода для реализации пациентоориентированного подхода в целом, и для реализации принципа автономии пациента, в частности. В докладе «Этические проблемы биокапитализма в России» (Е. А. Золотенкова) были рассмотрены характеристики и формы проявления биокапитализма, а также – особенности биокапитализма в России. Данная тема была продолжена в докладе А. В. Антипова «Переопределение здоровья: биоэтика и биокапитализм». Автор рассмотрел методологическую и содержательную взаимосвязь «биокапитализма» и «биополитики» и их влияние на трансформацию понимания здоровья. Представленные на конференции тезисы О. А. Радченко «Использование аргумента обобщения в философии морали»

отразили актуальную проблему морального плюрализма и роль обобщения в её решение. Выступление Д. В. Бебякина на тему «Трансформация понимания здоровья в условиях цифровизации» было посвящено пониманию здоровья, его цифровой трансформации, а также влиянию цифровизации на новое понимание здоровья в современном обществе. В процессе обсуждения докладов обсуждались вопросы, связанные с практическим здравоохранением, общественным здоровьем, философией медицины и актуальными биоэтическими проблемами.

Секция «Философия науки и философия искусственного интеллекта» (модератор – Алина Сергеевна Зайкова) прошла в этом году впервые. География докладчиков оказалось весьма обширной: свои доклады представили молодые ученые Новосибирска, Ростова-на-Дону, Красноярска и Москвы. Секция состояла из двух направлений. Первое направление относилось к философии искусственного интеллекта: С. Е. Овчинников осветил проблемы рациональности и логики в ИИ, М. Н. Кочетов обратился к вопросу образования понятий в ИИ, А. В. Антипова подняла вопрос переопределения человеческого интеллекта, а М. И. Наумов исследовал, как возникла сама идея рукотворного разума. Е. В. Четвертак в своём докладе разобрала основные биологические аргументы за и против компатибилизма, А. С. Зайкова рассказала про исследования Либета и то, как они используются в современной философии сознания, А. В. Думов поднял вопрос связи вероятности и информации, и, наконец, А. А. Элбакян рассказала про основные различия ученых во времена Макса Вебера и сегодня. На основании обсуждения было принято решение организовать регулярный семинар, посвященный проблемам философии науки.

В работе круглого стола «Этнокультурные традиции и идентичность в современном евразийском пространстве» (модератор – канд. филос. наук Светлана Александровна Мадюкова) приняло участие более 40 человек. Д-р филос. наук, проф. Л. В. Анжиганова (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан) представила доклад «Этнический капитал как ресурс развития этноса», посвященный концептуализации понятия «этнический капитал»: сущность, основные проблемы и противоречия. Доктор филос. наук Ч. К. Ламажаа (Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Москва) показала новые исследовательские поля и подходы к анализу проблематики родства в докладе «История паспортизации и система родства: тувинский кейс», а также представила лабораторию этнологии и лингвокультурологии Тувинского госуниверситета, созданную при поддержке Российского научного фонда. Доктор филос. наук, проф. Ю. В. Попков (ИФПР СО РАН, Новосибирск), в докладе «Традиционная культура и этнокультурное разнообразие: истоки, визуальные эффекты, концептуальные основы регулирования» раскрыл роль традиционной культуры

и этнокультурного разнообразия в борьбе с глобальными угрозами современности, продемонстрировал визуальные эффекты этнокультурного разнообразия с помощью фотографий, сделанных им во время многочисленных этносоциологических экспедиций. В дальнейшем ходе работы круглого стола, проходившем в формате вольного микрофона, участники могли задать вопросы экспертам, сделавшим установочные доклады, или высказать альтернативное мнение, вступить в дискуссию. В ходе работы были подняты следующие вопросы: отличие этнического капитала от этнического ресурса, «рукотворность» неотрадиции (в контексте аналогии с прививкой от социовирусов, предложенной Ю. В. Попковым), роль рода в идентификационной матрице современного россиянина, а также достоинства и недостатки современных способов сохранения и трансляции этнокультурных традиций; специфика этнокультурного образования; этнокультурный неотрадиционализм в физическом и виртуальном (цифровом) пространстве. Принимавшие участие в дискуссии молодые ученые высказали благодарность экспертам за актуализацию значимых проблем, поднятых в ходе работы круглого стола, поступило предложение продолжить дискуссию в серии подобных круглых столов.

В работе круглого стола «Искусственный интеллект: парадоксы и противоречия» (ведущие – канд. филос. наук Александр Валерьевич Хлебалин, Алина Сергеевна Зайкова), проведенного совместно с Научным советом по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при президиуме Российской академии наук в рамках XIX Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований», выделялись три направления. Логико-философское обсуждение заявленной проблематики было представлено докладами научного руководителя Института философии и права СО РАН д-ра филос. наук В. В. Целищева, доцента Санкт-Петербургского государственного университета д-ра филос. наук А. В. Родина и ведущего научного сотрудника философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова д-ра филос. наук А. Ю. Алексеева. Второй аспект, затронутый участниками дискуссии – это формально-вычислительная сторона аргумента. Живой интерес участников вызвала тема клондженового программирования, то есть такого, при котором возможности программы превышают изначально спроектированные свойства. Третьим важным направлением дискуссии стал антропологический аспект развития аргумента. Суть этого направления в сопоставлении человеческого и машинного интеллекта, их сущности и возможностей.

Подводя итоги, следует отметить, что виртуализация коммуникативного пространства позволила не только существенно увеличить количество молодых ис-

следователей, вовлекаемых в научные дискуссии, но и значительно расширить географические границы, невзирая на внешние объективные ограничения, вызванные, в том числе, пандемией коронавируса COVID-19. По итогам конференции издан сборник научных трудов [Актуальные проблемы..., 2021].

Список литературы

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы XIX Междунар. науч. конф. молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / Под ред. В. В. Петрова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 282 с.

Петров В. В. Виртуальная реальность: дистанционное образование в информационном обществе // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 2. С. 2702–2709.

References

Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy [Actual problems of humanitarian and social research]. Materials of the 19th International Scientific Conference of Young Scientists in the Humanities and Social Sciences. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 282 p. (in Russ.)

Petrov V. V. Virtual'naja real'nost': distancionnoe obrazovanie v informacionnom obshchestve. *Professional'noe obrazovanie v sovremenном mire*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 2702–2709. (in Russ.)

Информация об авторах

Владимир Валерьевич Петров, кандидат философских наук, доцент
старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН;

доцент кафедры социальной философии и политологии, заместитель директора Института философии и права Новосибирского государственного университета

Екатерина Михайловна Лбова, кандидат исторических наук
научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН

Information about Authors

Vladimir V. Petrov, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS;
Associate Professor of the Chair of Social Philosophy and Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University

Ekaterina M. Lbova, Candidate of Sciences (History)
Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 14.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*

Интервью

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-76-98

Физика и философия

Интервью с Томасом Шюкером *

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Известный французский физик Томас Шюкер (Thomas Schücker), автор многочисленных статей и книг по теоретической и математической физике, рассказывает о своей исследовательской работе в таких областях теоретической и математической физики как теории великого объединения, гравитационные аномалии, применение некоммутативной геометрии к Стандартной модели физики элементарных частиц и за её пределами, космология. Обсуждается состояние современной физики и, в частности, фундаментальные открытия, сделанные в физике высоких энергий и космологии за последние десятилетия, а также связь между физикой и философией и ряд сопутствующих философских проблем. Речь, в частности, идёт о Стандартной модели физики элементарных частиц и Стандартной космологической модели, о тёмной энергии и тёмной материи, о таких фундаментальных физических теориях, как теория струн, некоммутативная геометрия, петлевая квантовая гравитация и других. К перспективным направлениям развития физики, согласно Т. Шюкеру, относятся дальнейшее изучение гравитационных волн и квантового спутывания. Что касается философии физики, обсуждаются: реализм и антиреализм, понятия научной

* Девятого ноября 2021 г. заслуженный профессор, сотрудник Центра теоретической физики университета Экс-Марсель (Université d'Aix-Marseille, France), доктор физики Томас Шюкер (Thomas Schücker) дал онлайн-интервью, в котором обозначил ряд проблем, с которыми сталкивается современная физика, в частности, проблемы понимания квантовой механики, теории поля и квантовой гравитации, и современная философия науки.

Интервью подготовил и провел ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, доктор философии (PhD), кандидат физ.-мат. наук И. Е. Прись. С оригиналом интервью можно ознакомиться на сайте Института философии НАН Беларуси: <http://philosophy.by/ru/news/event-2021-11-09/>.

© Прись И. Е., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 76–98
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 76–98

теории и истины, природа квантовой реальности, интерпретации квантовой механики, роль эстетического критерия красоты в физике. Профессор Т. Шюкер не считает, что современная физика находится в кризисе. На самом деле за последние десятилетия в физике был достигнут значительный теоретический и экспериментальный прогресс, сделан ряд фундаментальных предсказаний и открытий и, в частности, открытие ускоренного расширения вселенной, бозона Хиггса, гравитационных волн и многие другие. Как отмечается в интервью, многие современные исследователи работают одновременно и в области теоретической физики, и в области философии физики. Они считают, что физика и философия нуждаются друг в друге.

Ключевые слова

физика элементарных частиц, некоммутативная геометрия, квантовая механика, космология, квантовая реальность, реализм, физическая теория, истина

Благодарности

Интервью подготовлено при частичной поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований № Г22МС-001

Для цитирования

Прись И. Е. Физика и философия. Интервью с Томасом Шюкером // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 76–98. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-76-98

Physics and Philosophy Interview with Thomas Schücker

Igor E. Pris

Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Abstract

The famous French physicist Thomas Schücker, the author of numerous articles and books on theoretical and mathematical physics, talks about his research work in such areas of theoretical and mathematical physics as grand unification theories, gravitational anomalies, application of noncommutative geometry to the Standard Model of particle physics and beyond, cosmology. The state of modern physics and, in particular, the fundamental discoveries made in high-energy physics and cosmology over the past decades, as well as the relationship between physics and philosophy and a number of related philosophical problems are discussed. In particular, we are talking about the Standard Model of elementary particle physics and the Standard cosmological model, about dark energy and dark matter, about such fundamental physical theories as string theory, noncommutative geometry, loop quantum gravity and others. Promising directions in the development of physics, according to T. Schücker, include the further study of gravitational waves and quantum entanglement. As for the philosophy of physics, the following are discussed: realism and anti-realism, the concepts of scientific theory and truth, the nature of quantum reality, interpretations of quantum mechanics, and the role of the aesthetic criterion of beauty in physics. Professor T. Schücker does not think that modern physics is in crisis. In fact, over the past decades, significant theoretical and experimental progress has been made in physics, a number of fundamental predictions and discoveries, and, in particular, the discovery of the accelerated expansion of the uni-

verse, the Higgs boson, gravitational waves, and many others. As noted in the interview, many modern researchers work simultaneously in the field of theoretical physics and in the field of philosophy of physics, they believe that physics and philosophy need each other.

Keywords

elementary particle physics, noncommutative geometry, quantum mechanics, cosmology, quantum reality, realism, physical theory, truth

Acknowledgements

The interview was partly funded by The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research grant no. Г22МC-001

For citation

Pris I. E. Physics and Philosophy. Interview with Thomas Schücker. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 76–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-76-98

1

И. Прись: Добрый день, профессор Томас Шюкер. Я очень рад Вас видеть. Спасибо, что приняли мое приглашение дать интервью и рассказать о своей научной работе.

Вы – заслуженный профессор теоретической физики в университете Экс-Марселя (расположен в городе Экс-эн-Прованс на юго-западе Франции. – *Прим. пер.*), сотрудник Центра теоретической физики. В настоящее время Вы работаете в области космологии. Но Вы также долгое время работали в области физики высоких энергий. Вы являетесь специалистом по Стандартной модели физики частиц, которая описывает все взаимодействия, кроме гравитационного. В частности, Вы применили одну из новейших и наиболее сложных математических теорий – некоммутативную геометрию Алена Конна (Alain Connes) – для изучения физики Стандартной модели и за её пределами. Некоммутативная геометрия, наряду с теорией струн, также пытается объединить все виды взаимодействий.

Не могли бы Вы немного рассказать об основных направлениях Вашей научной работы, не только текущей, но и более ранней?

Т. Шюкер: С удовольствием. С самого начала меня привлекали общие основания математики и физики. Позже, когда я специализировался, в математике это были геометрия и группы симметрий, а в физике – частицы и космология. Я и сегодня нахожу совершенно удивительным тот факт, что одни и те же математические инструменты одинаково хорошо применимы к теориям очень малых и очень больших величин. Это позволило мне перейти от одной теории к другой. Моя первая публикация была посвящена некоторым алгебрам Ли векторных полей, то есть дифференциальной геометрии. Затем в 1979 я начал писать докторскую диссертацию (PhD) по физике. В то время Стандартная модель элек-

ромагнитных, слабых и сильных взаимодействий, также называемая Стандартной моделью физики частиц, только появилась и модными были теории Великих объединений. Слово «Великие» вводит в заблуждение, поскольку речь идёт об объединении только трёх взаимодействий. Они предсказывали распад протона. Минимальная версия даже предсказала время жизни протона, чуть выше экспериментальной нижней границы. Было ясно, что в течение нескольких лет новые подземные эксперименты, такие как Камиоканде¹, поднимут эту нижнюю границу и либо обнаружат распад протона, либо фальсифицируют предсказание. Это были захватывающие времена, пока вердикт не был вынесен. Он исключил минимальную версию. Существуют, конечно, более сложные версии, но они имеют слишком много параметров, чтобы сделать какое-либо предсказание. Таким образом, в 1983 г. я оставил эту область и обратился к гравитационным аномалиям. Это технический предмет в квантовой теории поля. Аномалии возникают, когда классические теории поля после квантования теряют часть своей симметрии. Для квантовой теории поля аномалии обременительны в том смысле, что они делают теорию ренормализуемой, что означает, что теория имеет бесконечное число параметров. Ренормализуемые теории активно изучались, так как они могут делать предсказания. Поскольку у них конечное число параметров, после конечного числа экспериментов параметры фиксируются и результаты всякого нового эксперимента могут быть предсказаны. В частности, получил популярность красивый класс ренормализуемых теорий – так называемые теории Янга – Миллса – Хигса. Это калибровочные теории. Стандартная модель – частный случай теории Янга – Миллса – Хиггса.

И. Прись: Небольшой вопрос. Теории великого объединения красивы. Значит, красивые теории не обязательно истинны. Или, быть может, если теория не является истинной, то она не является истинно красивой?

Т. Шюкер: «Красота в глазах смотрящего»².

И. Прись: Хорошо. Мы поговорим о принципе красоты позже.

Т. Шюкер: Я сказал бы, что они красивые, потому что они простые. Было мало простых ренормализуемых теорий, которые могли бы делать предсказания. Меня привлекала простота и, в частности, захватывающее предсказание, что протон не является стабильной частицей. И это было в пределах досягаемости эксперимента.

Затем появилась некоммутативная геометрия Алена Конна. Подобно теориям Великих объединений, она предложила самосогласованную картину физических

¹ Нейтринный детектор, расположенный в Японии. – *Прим. пер.*

² Англ. «Beauty is in the eye of the beholder». – *Прим. пер.*

взаимодействий. Поначалу теория была применена только к Стандартной модели физики частиц. Но позже Конн открыл, что она может быть расширена, чтобы включить общую теорию относительности. Таким образом, в конечном итоге теория объединила все виды взаимодействий.

И. Прись: Но предсказания массы бозона Хиггса, которые она сделала, не были правильными.

Т. Шюкер: Приятная особенность теории была в том, что она предсказывала, позволяла вычислить массу бозона Хиггса. Но, как Вы сказали, позже оказалось, что предсказание неверное.

И. Прись: И тем не менее некоммутативная геометрия тоже очень красивая теория.

Т. Шюкер: Совершенно верно. Подобно римановой геометрии искривленных пространств, которая мне тоже очень нравится. Она гораздо интереснее, чем плоская евклидова геометрия. В частности, потому что мы живём на поверхности нашей планеты, которая сферична. Каждый мореплаватель должен принимать во внимание, что Земля не плоская, по крайней мере, если он совершает продолжительные путешествия.

Но Вы хорошо знаете эту область исследований, так как мы вместе работали над применением некоммутативной геометрии Конна в Марселе в 1996–1997 годах. Я был большим энтузиастом. Теория мне нравилась не меньше и даже больше, чем теории Великих объединений, потому что она включала в себя общую теорию относительности – абсолютно красивую теорию.

И. Прись: Некоммутативная геометрия – алгебраический подход. Это алгебраическое обобщение классической геометрии.

Т. Шюкер: Совершенно верно. Была проблема, и она всё ещё остаётся: как сформулировать квантовую механику в искривленном пространстве-времени или искривленном пространстве? Некоммутативная геометрия, насколько я знаю, была первым естественным примером наделяния искривленного пространства принципом неопределённости. И это вызвало у меня такой энтузиазм в отношении некоммутативной геометрии Конна.

Позже, как Вы сказали, открытие бозона Хиггса фальсифицировало минималистскую модель некоммутативной геометрии. Я оставил эту область и начал заниматься космологией. Не только я сменил физику частиц на космологию. У меня были друзья-экспериментаторы, которые в это же время сменили область исследований по схожим причинам, а также потому, что благодаря нескольким экспериментальным прорывам, среди которых создание подземных и космических обсерваторий, космология превратилась в точную науку, в частности, в результате открытия ускоренного расширения вселенной в 1999 г. и от-

крытия анизотропии микроволнового излучения в 1992 г. Снова наступили захватывающие времена, а с появлением в 2016 г. гравитационно-волновой астрономии стало еще интереснее. Экспериментаторы могли применить своё знание того, как обрабатывать большие данные. Большие данные были необходимы в физике частиц. В космологии и астрофизике тоже необходимо обрабатывать огромные массивы экспериментальных данных, полученных в результате наблюдения. Также в астрофизике, как и в физике частиц, важны фотоумножители. Они делают наш глаз гораздо более восприимчивым. В результате вы имеете лучшее разрешение, лучше видите то, что хотите наблюдать.

2

И. Прись: В одной из статей Вы пишете: «После столетия усилий нам все еще не хватает единой модели всех основных сил и нам все еще не хватает квантовой общей теории относительности». Добились ли физики или математики значительного прогресса в задаче объединения всех видов взаимодействий или в задаче объединения общей теории относительности и квантовой теории за последние два десятилетия?

Т. Шюкер: Несомненно. Это открытие бозона Хиггса в 2012 г., который был постулирован в 1964 г. С тех пор как он был постулирован, многие физики, я сам, и я уверен, что Вы тоже, с нетерпением ожидали открытия этого последнего недостающего элемента в головоломке Стандартной модели. Без Хиггса Стандартная модель не является самосогласованной теорией. Таким образом, мы ждали этого открытия, но мы не могли сказать, какой должна быть ожидаемая масса бозона Хиггса. У Конна было предсказание. Как это происходит в физике, предсказание либо фальсифицируется, либо оказывается истинным. Другим открытием на пути к объединённой теории является, несомненно, открытие гравитационных волн в 2016 г. Они были предсказаны самим Альбертом Эйнштейном почти за сто лет до этого события – в 1919 г. Было затрачено много усилий и потрачено много денег на эти исследования с отрицательным результатом. Я был студентом в Вене и помню, как объявили об обнаружении гравитационных волн при помощи цилиндрической антенны. Женевский университет тоже сконструировал такую антенну. Но они ничего не нашли. И так продолжалось долгое время. Напряжённое ожидание (*suspense*) сохранялось до тех пор, пока в 2016 г. не было объявлено о первом открытии гравитационных волн. Затем в 2019 г. было сделано и опубликовано изображение черной дыры. Оно было впервые посчитано в 1979 г. Жан-Пьером Люмине (Jean-Pierre Luminet). Для меня это три прорыва на пути построения единой теории всех взаимодействий.

И. Прись: ОК. Я согласен. Между прочим, почему Вы говорите, что бозон Хиггса был постулирован? Иногда также говорят, что механизм Хиггса был «предсказан» или даже «открыт». Например, на сайте Американского физического общества можно прочесть, что Франсуа Энглерт и Питер Хиггс получили Нобелевскую премию по физике 2013 г. «за предсказание механизма Хиггса, который придаёт элементарным частицам массу», а официальная формулировка нобелевского комитета гласит: «За теоретическое открытие механизма, который вносит вклад в наше понимание происхождения массы субатомных частиц». Существует ли принципиальное различие?

Т. Шюкер: Нет. Я сказал, что он был постулирован, потому что никто не мог сказать, какова его масса, за исключением нескольких теорий, подобно теории Конна. И было ясно, что без Хиггса калибровочные теории, подобно Стандартной модели, не являются самосогласованными (*consistent*). Верно, что история сложная. Мы говорим «бозон Хиггса», но были также Энглерт и Браут, которые независимо и одновременно или немного раньше открыли механизм спонтанного нарушения симметрии. Позже Вейнберг применил этот механизм к модели, которая ранее была опубликована Глэшоу и Саламом. И только в работе т'Хофта и Вельтмана было показано, что спонтанное нарушение симметрии не угрожает ренормализуемости Стандартной модели. За это они получили Нобелевскую премию.

И. Прись: Как мне представляется, некоммутативная геометрия Алена Конна не оправдала ожиданий физиков. Есть ли у неё какие-то успехи применительно к физике?

Т. Шюкер: Минималистская версия теории Конна предсказывала массу бозона Хиггса около 270 ГэВ. В 2012 г. эксперимент показал, что она равна 225 ГэВ. Конечно, можно сказать, что порядок величины тот же самый. Но дело в том, что вычисления были также наивными в том смысле, что они использовали некоммутативную геометрию лишь частично. Квантовые эффекты вычислялись при помощи стандартной теории в евклидовом пространстве, а не в некоммутативном пространстве. Одна из больших надежд физиков была в том, что некоммутативная геометрия позволит понять не только Стандартную модель, но и, что более важно, квантовые поля. Это всё ещё не так. Таким образом, это была не только минимальная, а минималистская модель. Она была наивной. Одна часть вычислялась в рамках некоммутативной геометрии, тогда как другая часть упрощалась и вычислялась в рамках обычной плоской геометрии. Но можно сказать: подождём до тех пор, пока у нас не будет истинной и полной теории квантовых полей. Но пока что этого нет. Остаётся лишь надеяться, что некоммутативная геометрия может быть правильной математикой квантовых полей.

И. Прись: Существуют другие варианты некоммутативной геометрии, а не только некоммутативная геометрия Конна. Являются ли они более успешными с точки зрения физики?

Т. Шюкер: Верно. Ещё до того как появилась некоммутативная геометрия Конна, включающая в себя общую теорию относительности, существовали модели Конна и Лотта (Connes & Lott), Дюбуа-Виолетта (Dubois-Violette), Кернера и Мадоре (Kerner & Madore), Кокеро и Эспозито-Фарезе (Coquereaux & Esposito-Farese). Справедливо сказать, что они – ступеньки на пути построения более полной теории. Это только ступеньки в том смысле, что они не сделали никаких предсказаний. Модель Конна – Лота предсказывала массу бозона Хиггса, отличную от той, которую предсказывает теория Конна, и тоже далёкую от экспериментальной массы, которую мы сегодня знаем. И эти теории не были далее развиты. В этом смысле я говорю о них как о ступеньках.

И. Прись: Как насчет теории струн и петлевой квантовой гравитации? Они не принадлежат семейству теорий некоммутативной геометрии. Являются ли они более перспективными, остаются ли они популярными?

Т. Шюкер: Я бы сказал, что теория струн умирает. Всякая теория имеет свои временные рамки. Она рождается и умирает. Ещё Макс Планк сказал: «Новая теория принимается не потому, что другие менее убедительны, а потому, что они умирают»³. Для этого нужно по крайней мере одно поколение. Приведу красивый пример. Я полагаю, что Вы хорошо помните Даниэля Кастлера⁴.

И. Прись: Да, я его хорошо помню.

Т. Шюкер: Он пригласил меня в Марсель и ввёл в предмет некоммутативной геометрии. Даниэль защитил докторскую диссертацию по квантовой химии в 1953 г. в Германии. Затем он попытался вернуться во Францию. Франция является родиной де Бройля – одного из отцов-основателей квантовой теории. Тем не менее, ещё в 1953 г. – а рождение квантовой механики относится к 1900 г. – ему было трудно найти работу (*position*) в этой области. Я думаю, что может смениться два или три поколения, пока теория не умрёт.

И. Прись: Насколько я знаю, квантовая физика начала развиваться во Франции относительно поздно, не так ли? Поэтому Кастлеру было трудно найти работу.

³ Более точно цитата гласит: «Новая научная истина торжествует не потому, что ее противники признают свою неправоту, просто ее оппоненты со временем вымирают, а подрастающее поколение знакомо с нею с самого начала» (Planck M. Scientific Autobiography and Other Papers. New York: Philosophical library, 1950, p. 33). – *Прим. пер.*

⁴ Сын Альфреда Кастлера – нобелевского лауреата по физике 1966 года. – *Прим. пер.*

Т. Шюкер: Потому что оппоненты квантовой механики всё ещё занимали профессорские позиции. Они поддерживали враждебность по отношению к новой теории.

И. Прись: Ясно.

Т. Шюкер: Но Вы спросили о теории струн. У теории нет физических успехов в смысле подтверждённых предсказаний. Кроме того, чтобы быть жизнеспособной и самосогласованной теорией, теории струн нужна суперсимметрия. Суперсимметрия была исключена экспериментами на LHC⁵. Я думаю, что правило Планка (с задержкой до трёх поколений) применимо и к смерти ошибочной теории. Например, теория светового эфира тоже с трудом умирала после появления теории относительности. Я предполагаю, что суперфизика меня переживет.

И. Прись: Опять же, красота не является критерием. Суперсимметрия – очень красивая теория. И, как вы говорите, струны нуждаются в суперсимметрии. Но теория не работает.

Т. Шюкер: Да, она не работает. Со времени моей докторской диссертации (PhD) суперсимметрия обещает, что будут открыты суперчастицы при высоких энергиях. Был построен новый ускоритель частиц также и для того, чтобы открыть суперсимметричные частицы. Ничего не получилось. Можно, конечно, сказать, что просто нужны более высокие энергии. Какие энергии? Этого не могут сказать. При энергиях 100 ГэВ суперсимметрии уже трудно существовать. Я предполагаю, что с адронным коллайдером суперсимметрия стала безнадежной. А теория струн конструируется из суперсимметрии.

И. Прись: Некоммутативная геометрия, теория струн, петлевая гравитация – конкурируют ли эти теории друг с другом или дополняют друг друга?

Т. Шюкер: У них есть общая основа. Некоммутативные версии теории струн были опробованы. Я думаю, будет справедливо сказать, что результаты не были обнадеживающими. Даниэль Кастлер пригласил Карло Ровелли в Марсель, чтобы исследовать общие основания некоммутативной геометрии и петлевой квантовой гравитации. Опять же, результаты были неутешительными, но Карло создал процветающую школу петлевой квантовой гравитации в Марселе, и она все еще процветает после его отъезда из Марселя в прошлом году. Это один ответ на вопрос, который Вы задали ранее. Что касается петлевой гравитации, то эта теория ещё популярна.

И. Прись: Таким образом, гибридные теории не работают. Или даже они с трудом возможны. Быть может, они недостаточно красивы? (*смех*)

⁵ LHC – большой адронный коллайдер. – Прим. пер.

Т. Шюкер: Может быть. Они были достаточно близки. Было естественно исследовать общую основу у петлевой гравитации и некоммутативной геометрии. С социологической точки зрения, как Вы знаете, Конн и Ровелли друзья. И они очень рано написали вместе статью об эволюции времени в алгебре операторов.

И. Прись: Да, я читал её. Интересная статья. И есть ещё некоммутативные калибровочные теории, и т. д.

Т. Шюкер: Да.

3

И. Прись: Итак, теперь вы работаете в области космологии. Каковы основные проблемы космологии в настоящее время?

Т. Шюкер: Как и физика частиц, космология сейчас тоже имеет свою стандартную модель, называемую « Λ CDM» (Лямбда-CDM)⁶. Λ обозначает космологическую постоянную, а CDM – холодную тёмную материю (Cold Dark Matter). Стандартная модель сталкивается с проблемой поляризации мнений. Либо вы верите в Стандартную модель, либо нет. Это что касается социологии: поляризация исследований и идей.

Более конкретно, мы должны объяснить тёмную материю, потому что обычная материя, из которой состоят тела людей, Земля, Солнце, галактики, имеет недостаточную массу, чтобы быть в согласии с этой Стандартной моделью.

Лично у меня ещё есть проблема с космологическим принципом. Космология имеет два основания: общая теория относительности и космологический принцип, постулирующий пространство максимальной симметрии. Но эта формулировка космологического принципа нерелятивистская, потому что пространство, которое предполагается максимально симметричным, есть пространство одновременности. Но одновременность в релятивизме – ересь.

И. Прись: Иногда космологический принцип формулируют следующим образом: пространственное распределение материи во Вселенной является однородным и изотропным.

Т. Шюкер: Да, это то, что я имею в виду под максимальной симметрией. Трёхмерное пространство, плоское или искривленное, может иметь не больше шести симметрий. Это теорема дифференциальной геометрии. Плоское пространство имеет три вращения – то, что называют изотропностью (нет привилегированного направления), и три трансляции – то, что называют однородностью

⁶ Λ – космологическая постоянная, входящая в уравнения Эйнштейна и объясняющая существование тёмной энергии. – *Прим. пер.*

(нет привилегированного места). Задача – найти релятивистскую формулировку космологического принципа.

И. Прись: Есть ли значительный прогресс в понимании природы темной энергии и темной материи?

Т. Шюкер: Для меня тёмная энергия не проблема. Для большинства моих коллег это проблема, но не для меня. Тёмная энергия имеет естественное красивое объяснение, восходящее к Эйнштейну. Вы выбираете положительную космологическую постоянную, $\Lambda > 0$, и более не нуждаетесь в тёмной энергии.

И. Прись: Не слишком ли простое решение?

Т. Шюкер: Слишком простое? Для меня простое решение – хорошее решение.

И. Прись: Это принцип простоты. (*смех*)

Т. Шюкер: Что касается тёмной материи, то благодаря новым открытиям в области обнаружения гравитационных волн, возможно, темная материя может быть частично объяснена существованием чёрных дыр.

По-французски это звучит лучше: *trou noir* и *matière noire*⁷. Теперь при помощи гравитационных волн мы можем видеть много чёрных дыр. Быть может, они уже достаточны для объяснения тёмной материи – по-английски *black holes*, *dark matter*.

И. Прись: Есть ли первые успехи в гравитационно-волновой астрономии?

Т. Шюкер: Несомненно. Скорость гравитационных волн с высокой точностью была измерена в результате наблюдения одного события – слияния двух нейтронных звёзд. Она с высокой точностью оказалась равной скорости света. В терминах объединённой теории электромагнетизма и гравитации этот результат фундаментален. Это предсказание теории Эйнштейна. Теперь мы знаем, что оно верное. Существует много других результатов. Например, мы знаем, какова природа нейтронных звёзд. Очевидно, что мы пока лишь нащупали золотую жилу. Это приведёт к большим прорывам в будущем.

И. Прись: Верите ли вы в мультивселенную? Во Франции космолог Аурельен Барро – он также работает над петлевой квантовой гравитацией – популяризировал эту идею.

Т. Шюкер: Меня зовут Томас. Я неверующий. Меня интересуют предсказания, наблюдения и подтверждение. Пока что я не видел каких-либо предсказаний и тем более подтверждений.

И. Прись: Что Вы думаете о так называемом антропном принципе?

⁷ Досл. «чёрная дыра» и «чёрная материя». – Прим. пер.

Т. Шюкер: Опять же, я жду предсказаний. Я жду предсказаний и их подтверждения наблюдениями.

4

И. Прись: Кстати, согласно Стэнфордской философской энциклопедии: «Еще в 1960 г. космология широко рассматривалась как раздел философии»⁸. Некоторые физики скептически относятся к философии. Другие, наоборот, считают, что философия необходима для физики. Название одной из работ Карло Ровелли звучит так: «Физике нужна философия. Философии нужна физика». Каково ваше мнение на этот счёт или отношение к философии?

Т. Шюкер: Ваш пример показывает, что у двух школ мысли – философии и физики – есть общее основание. Это интересно, пленительно. У меня есть несколько друзей, которые делают двойную карьеру – физика и философа. Я восхищаюсь ими за то, что они исследуют это общее основание. Кстати, Вы уже упомянули троих из них: Карло, Аурельен и Игорь.

И. Прись: Спасибо! (смех)

Т. Шюкер: Конечно, при наличии общего основания всегда найдутся завистники, не желающие делиться – разделить это общее основание. Вопрос в том, входит ли в их число Ричард Фейнман – один из моих героев в физике, остается открытым. Действительно, всем известна фраза, которую историк науки Брайан Кокс приписывает Фейнману. По всей видимости, Фейнман сказал следующее: «Философия науки столько же полезна для ученых, как орнитология для птиц».

И. Прись: Я в чём-то согласен. Но я думаю, что не наоборот. (смех)

Т. Шюкер: ОК. Но у него была в равной мере критическая позиция относительно полезности в физике абстрактной математики. То, что меня притягивало в физике, – это как раз общее с физикой основание у абстрактной или менее абстрактной математики. И есть ещё одна фраза, приписываемая Фейнману: «Физика соотносится с математикой так же, как секс с мастурбацией». Очевидно, что он не очень любил абстрактную математику. Он был более интуитивным физиком. Он изобрёл интегралы по траекториям – свою формулировку квантовой механики. И даже сегодня это всё ещё не строгая математика. Фейнмановская формулировка очень интуитивна, но математически не очень хорошо определена. Очевидно, что у Фейнмана была более либеральная точка зрения относительно абстрактной математики.

⁸ См.: Smeenk Ch., Ellis G. Philosophy of Cosmology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2017 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/cosmology/> (дата обращения 08.02.2022).

5

И. Прись: Что вы думаете о природе квантовой реальности? Это философский вопрос. (смех)

Т. Шюкер: Мой ответ будет в виде образа, небольшой истории. Встречаются два квантовых физика, назовём их Алиса и Боб. Алиса говорит: «Я ничего не знаю». Боб улыбается. Алиса продолжает: «Я знаю, что ты тоже ничего не знаешь». Улыбка Боба застывает. Алиса продолжает: «Я знаю, что другие не знают, что мы ничего не знаем». Улыбка Боба робко возвращается.

И. Прись: Таким образом, никто в действительности не понимает квантовую механику. В 2012 г. физик Дэвид Мермин написал: «Новые интерпретации появляются каждый год. Ни одна из них не исчезает». Какую интерпретацию квантовой механики вы предпочитаете, если какую-либо предпочитаете?

Т. Шюкер: Очень наивную интерпретацию, которую я с лёгкостью могу преподавать студентам. У нас есть уравнение – Шредингера или Дирака – и словарь, связывающий его решения с наблюдениями, такими как атомные спектры, сечения рассеяния, время жизни и так далее. Это приводит к множеству предсказаний и постсказаний (*post-dictions*)⁹.

И. Прись: Рассматриваете ли Вы физическую теорию как инструмент для предсказания физических явлений?

Т. Шюкер: Да. Быть может, это даже главный инструмент для того, чтобы делать предсказания.

И. Прись: Это, наверное, инструментализм. (смех) А как Вы понимаете проблему квантового измерения? Многие философы квантовой физики считают, что это центральная проблема философии квантовой механики.

Т. Шюкер: Для меня принцип неопределенности – это не проблема, а облегчение. Действительно, я не верю в детерминистическое описание мира. Чтобы иметь возможность делать правильные предсказания, нужно иметь возможность делать неправильные. Насколько мне известно, квантовая механика – первая теория в физике, которая ввела математически точную неопределенность. Причиной этой неопределенности является измерение или наблюдение. Мне это кажется очень естественным. Типичным наблюдением является рассеяние света на наблюдаемом объекте. Если объект макроскопический, как, например, бильярдный шар, то его положение и скорость будут нарушены очень незначительно из-за этого рассеяния. Если же объект является элементарной частицей, имеющей тот же размер и ту же энергию, что и фотон – свет, который вы используете, что-

⁹ «Постсказание» – объяснение эмпирического явления или экспериментального факта. – Прим. пер.

бы её наблюдать, то возмущением элементарной частицы, производимым рассеиваемым на ней светом, уже нельзя пренебречь. Попробуйте понаблюдать за бильярдным шаром R , покоящимся на столе, выстрелив в его сторону другим бильярдным шаром S . Если S продолжает двигаться по прямой, вы можете сказать, что R не находится на траектории S . С другой стороны, если S возвращается обратно, вы можете сказать, что R находился на траектории S . Но это было в прошлом. Теперь R больше не покоится и не находится на траектории S . Соотношение неопределенности Гейзенберга может быть мотивировано этой небольшой картиной. И эта картина, или соотношение неопределённостей, было перенесено в другие науки, например, в психологию. Когда вы спрашиваете человека, что он думает по какому-то вопросу, и он отвечает спонтанно, вы знаете только то, что он думал по этому вопросу до своего ответа. Ваш вопрос может вызвать у него другие мысли по этому поводу.

И. Прись: Между прочим, квантовые корреляции тоже нашли применение в гуманитарных и социальных науках. Вы видите тесную связь между принципом неопределенности и проблемой измерения. А как насчет коллапса волновой функции? Это реальный процесс?

Т. Шюкер: Не знаю.

6

И. Прись: Существуют различные философские позиции: реализм, идеализм, антиреализм, прагматизм и так далее. Какова Ваша позиция, если таковая имеется? Являетесь ли Вы реалистом? В каком смысле? Или, быть может, как уже было сказано, Вы инструменталист?

Т. Шюкер: У меня нет позиции, а есть лишь ещё один образ.

И. Прись: По всей видимости, эти образы дополняют друг друга, подобно тому как в квантовой механике образы волны и частицы дополняют друг друга.

Т. Шюкер: Да, я думаю. Два различных подхода к тому же самому объекту.

Позвольте мне привести очень наивный образ (*picture*). Моё понимание никогда его не превосходило.

Возьмите горизонтальную чёрную доску (*blackboard*) и попросите природу нарисовать на ней кусочком мела кривую. Затем природа прячет кривую, покрывая всю доску меловой пылью. (Вот почему нужна горизонтальная чёрная доска.) Физик-экспериментатор приходит с тонкой кисточкой и аккуратно удаляет пыль на квадратном сантиметре доски, достаточно умело, чтобы не разрушить кривую, возможно, нарисованную природой в этом квадрате. Но он сообщает об отрицательном результате. Другие экспериментаторы работают над другими квадратами, пока один не обнаруживает маленький кусочек линии и не получает

Нобелевскую премию. Далее вступает в игру физик-теоретик. Он немедленно распознает прямую линию и делает предсказание для соседнего квадрата. Действительно, другой экспериментатор подтверждает эту экстраполяцию и присоединяется к теоретику в Стокгольме. Но затем, после многих экспериментальных ошибок и других неожиданностей выясняется, что то, что казалось прямой линией, на самом деле, – дуга, но не дуга окружности. После этого появляются новые теории. Популярными становятся эпициклы, затем эллипсы, позволяющие лучше понять, что представляет собой эта кривая. Происходит постоянный обмен между теорией и экспериментом. Экспериментаторы открывают вещи, иногда случайно, иногда потому, что они следуют предсказаниям, которые могут быть истинными или нет. Так я вижу функционирование физики.

И. Прись: Итак, мне кажется, что Вы реалист. Что-то (кривая) есть там, во внешнем мире, – готовые реальные вещи. И физики их открывают, а не изобретают. Вы – реалист.

Т. Шюкер: Да, это так. Открывают.

И. Прись: Верите ли Вы в существование внешнего мира (внешней реальности), познаваемого нашими теориями? Или, быть может, понятие внешнего мира – плохое понятие?

Т. Шюкер: Да, я верю. У природы есть эта кривая, которая не зависит от нас. И всё, что мы можем сделать, – это открыть её. Мы не создаём её. Конечно, нужно быть изобретательным, чтобы экспериментально подготовиться к открытию. И так далее. Креативность нужна. Но это только инструмент.

Можно я задам вопрос? Я только что сделал открытие, что я реалист. Быть реалистом – это комплимент или оскорбление? Вы сами реалист?

И. Прись: Ни комплимент, ни оскорбление. Это позиция. Просто философская позиция. Например, я контекстуальный реалист. Я считаю, что онтология чувствительна к контексту. Некоторые говорят, что это срединная позиция между сильным, объективным реализмом и антиреализмом.

7

И. Прись: Что такое для Вас научная теория?

Т. Шюкер: Научная теория – теория, допускающая проверяемые или фальсифицируемые предсказания и/или постсказания.

И. Прись: Что Вы подразумеваете под постсказаниями?

Т. Шюкер: Я приведу пример. Открытие, что испускаемый атомом свет имеет дискретный спектр, подстегнуло развитие спектроскопии, и были созданы каталоги спектров атомов. Теоретики попытались упорядочить этот огромный массив данных. Ридберг нашёл очень простую формулу, которая могла воспроизве-

сти спектр атома водорода. Но это была только феноменология. Затем появилась квантовая механика. При помощи уравнения Шрёдингера вы можете посчитать формулу Ридберга. В этом смысле это было не предсказание, а постсказание, так как измерения уже были сделаны. Различие между предсказанием и постсказанием хронологическое. В случае постсказания сначала имеет место наблюдение явления, а затем его объяснение. В случае предсказания наоборот.

И. Прись: Верите ли вы, что наши лучшие научные теории буквально истинны?

Т. Шюкер: Да, я верю.

И. Прись: Что для Вас как физика-теоретика есть истина? Считаете ли Вы, что истина – соответствие фактам?

Т. Шюкер: Да, несомненно. Я приведу ещё один образ (*image*). Предположим, у нас есть слепой петух. Назовём его опять Бобом. Он слепой, но он имеет дело с большой статистикой. Случается, что он находит зерно. И когда он его находит, он громко кукарекает, чтобы произвести впечатление на Алису. Он хочет, чтобы Алиса знала, что зерно у него оказалось не чисто случайно.

Я верю, что что-то истинно, если можно съесть зерно. Потому что в этом случае у вас есть выгода, а наличие выгоды доказывает, что вы сделали что-то полезное.

Что касается самой истины, то мне нравятся слова Вольфганга Паули, которые, конечно, шутка: «В математике и физике существует абсолютная истина; в математике это доказательства, в физике – эксперименты. Теоретическая физика – это та область, где нет ни доказательств, ни экспериментов».

Если говорить более серьезно, то для меня в математике и физике есть абсолютная истина в смысле Паули. И она есть у альпинистов. Абсолютная истина для альпиниста – подняться на вершину горы, быть может, трудную вершину, на которую безуспешно пытались подняться другие. Но ему удаётся добраться до вершины. Наградой ему служит наслаждение, которое даёт новый взгляд на мир, вид гор вокруг него, которые людям уже знакомы, и, возможно, видение новых вершин. Это мой очень наивный способ думать об истине и реальности. Реальность – камни, к которым альпинист прикасается каждый день. Это его абсолютная истина.

И. Прись: Между прочим, Вы сказали, что со слов Паули в теоретической физике нет ни доказательств, ни экспериментов. Может быть, это и не шутка? Например, Тимоти Уильямсон, известный британский философ, говорит, что существует континуум между метафизикой, философией физики и теоретической физикой высокого уровня. Но в метафизике нет ни концептуальных, ни экспе-

риментальных истин в более или менее привычном понимании этих понятий. Тем не менее, для Уильямсона существуют метафизические истины.

Т. Шюкер: Если я сказал, что для Паули это была шутка, то это потому, что он занимался очень сложной математикой. Он знал математические доказательства и также очень хорошо знал, какова экспериментальная ситуация.

И. Прись: Да, для Паули это была шутка. Между прочим, некоторые философы физики, как, например, Ричард Дэвид, говорят, что существует неэмпирическое подтверждение теории, например теории струн.

Т. Шюкер: Многие так считают. Ален Конн – один из них. Он говорит, что существует только одно предсказание в теории струн – это размерность пространства-времени. Однако я не знаю теории, которая предсказывала бы, что наше пространство-время имеет размерность четыре. Теория струн нуждается в фиксированной размерности. Она оказывается 10, 11, но не 4.

И. Прись: Вы не верите в неэмпирическое подтверждение теории?

Т. Шюкер: Верю. Например, когда умер Эйнштейн, было лишь несколько подтверждений его предсказаний. Теперь ситуация иная. У нас есть очень точные измерения, которые подтверждают его теорию. Но он умер, будучи уверенным, что его теория – общая теория относительности – корректна. Он был уверен в этом, так как его теория была непротиворечивой. Даже теория Ньютона имеет противоречие. Её базовое противоречие в том, что она нуждается в инерциональных системах отсчёта. Только в инерциальных системах отсчёта теория Ньютона корректна. Но Ньютон не мог сказать, что такое инерциальная система отсчёта. Теория Эйнштейна не нуждается в привилегированных системах отсчёта. Общая теория относительности – самая простая теория, которая не прибегает к употреблению специальных систем отсчёта.

И. Прись: Во всяком случае Карло Ровелли критиковал идею неэмпирического подтверждения теории.

Т. Шюкер: Следующий раз, когда я увижу его, я спрошу, что он думает насчёт уверенности Эйнштейна в своей теории относительности.

8

И. Прись: В одной из Ваших статей Вы пишете: «Одна из многих удовлетворительных черт общей теории относительности, по крайней мере для меня, – это то, что она допускает много различных подходов. Вот некоторые из них: теоретико-полевой, геометрический, хронометрический, теоретико-калибровочные, причинный, подходы теории возмущений, численные, дискретизированные, квантовые...»

Идёт ли речь о разных математических языках для описания или объяснения одной и той же физической реальности / природы, или же о различных пониманиях самой природы гравитации или пространства-времени? Двусмысленна, неоднозначна ли природа гравитации или же мы имеем дело с разными подходами к одним и тем же явлениям?

Т. Шюкер: Я буду двусмысленным. Моя точка зрения состоит в том, что эти различные подходы к общей теории относительности – различные пути, требующие различных техник, к одной и той же вершине. Эта вершина – общее основание для различных путей. Это место, где они встречаются. В нашем примере вершина – общая теория относительности. Если вы хорошо знаете теорию поля и ничего не знаете о геометрии, вы можете достигнуть вершины. Если вы знаете геометрию, но не знаете теории поля, вы тоже можете добраться до вершины. На вершине вы можете встретить коллегу и пожать ему руку. Это очень приятно.

И. Прись: Но думаете ли Вы, что эта вершина находится там, во внешнем мире, уже в готовом виде, предопределённая?

Т. Шюкер: Да. Это подобно вершине горы. Вершина – твёрдый камень. Он был там до нашего рождения.

И. Прись: Тогда, наверное, Вы метафизический реалист. *(смех)*

Т. Шюкер: Хорошо. *(смех)*

И. Прись: Между прочим, являются ли гравитация и пространство-время одним и тем же?

Т. Шюкер: Нет. Пространство-время – арена, на которой вступают в игру силовые поля, как гравитация и электромагнетизм, и другие калибровочные силы. Таким образом, это просто сцена (*setting*), на которой силы играют свою игру.

И. Прись: Но с геометрической точки зрения гравитация – кривизна пространства-времени. Таким образом, грубо говоря, это пространство-время, а не сила.

Т. Шюкер: Да.

И. Прись: С геометрической точки зрения.

Т. Шюкер: Да. Но метрика – это поле, можно сказать. Можно говорить о пространстве, не говоря о силах. Но если есть пространство и нет метрики (силового поля), нельзя говорить о расстояниях между точками пространства.

И. Прись: Таким образом, для Вас есть две сущности: пространство-время и гравитация.

Т. Шюкер: Да. Я могу объяснить это математически. Пространство-время – дифференциальное многообразие. И это многообразие может быть наделено или

нет римановой (или псевдоримановой) метрикой, которая даёт силу. И далее вы можете наделить его другими структурами, подобно электромагнитному полю.

И. Прись: ОК.

9

И. Прись: Профессор Томас Шюкер, считаете ли Вы, что в настоящее время физика находится в кризисе? Некоторые физики так считают.

Т. Шюкер: Да, я знаю. Но я думаю, что верно обратное. И это больше, чем просто мысль. Это ощущение. Когда я начал изучать физику, я боялся, что сделал плохой выбор. Во-первых, я боялся, что для меня это будет слишком сложно, что я не смогу достигнуть вершин физики. Но через пять лет, когда я получил свой первый диплом, я уже знал, что это для меня не проблема. Но оставалась ещё одна проблема. Сделает ли физика меня счастливым? И лишь теперь, когда я вышел на пенсию, я могу с уверенностью сказать, что да, я получил от неё большое удовольствие. Я его получил благодаря открытиям. Конечно, и от уже старых открытий, Архимеда и так далее. Абсолютно фантастических открытий. Но когда вы идёте в кино, вы хотите получить саспенс (напряжённое ожидание, *suspense*). Найдут ли виноватого или нет, будет ли кто-то убит или нет? Это ожидание всегда присутствует. Я получил удовольствие от того, что я сам стал свидетелем крупных открытий. Это подобно хорошей криминальной истории. Мой список начинается в 1979 г. с открытия замедления бинарного пульсара PSR 1913+16. Рассел Халс и Джозеф Тейлор за это открытие получили Нобелевскую премию. Детальный расчёт этого замедления был сделан в 1981 г. Тибо Дамуром в рамках общей теории относительности. Тибо Дамур доказал, что причиной замедления было излучение гравитационных волн. Это было первое не прямое экспериментальное доказательство их существования. Следующий прорыв был в 1983 г. – открытие W^- и Z -калибровочных бозонов, которые были предсказаны ещё в 1968 г. Глэшоу, Саламом и Вейнбергом. В это время я был в Женеве. В 1990-х гг. было открыто ускоренное расширение вселенной. В 1992 г. – анизотропия микроволнового излучения. В 1998 г. была идентифицирована супермассивная чёрная дыра в центре нашей галактики. Есть красивый фильм, показывающий, как звёзды вращаются вокруг этой невидимой чёрной дыры. В 2012 г. был открыт бозон Хиггса. Мы уже о нём говорили. Он был постулирован ещё в 1964 г. В 2016 г. было сделано прямое открытие гравитационных волн. Они были предсказаны почти сто лет тому назад Эйнштейном. Сегодня это новое окно во вселенную. В 2019 г. был получен образ (*image*) чёрной дыры. Расчёты были сделаны в 1979 г. Жан-Пьером Люмине. Каждое открытие было захватывающим. Сначала была красивая и простая теория. И можно было предполо-

жить, что она истинная. Но, как я уже сказал, были случаи и неверных предсказаний. Нельзя выигрывать всё время. Но успехов достаточно много. Ретроспективно я могу сказать, что у меня как у физика была красивая жизнь.

Нужно также сделать и негативное замечание. Был великолепный прогресс от эпициклов к ренормализуемым теориям, как теории Янга–Миллса–Хиггса, например, Стандартная модель. Эпициклы имеют бесконечное число параметров, потому что можно добавить сколько угодно эпициклов. Но, согласно Джону фон Нейману, мы хотим не просто теорию с конечным числом параметров, а теорию с небольшим с числом параметров. Фон Нейман сказал: «С четырьмя параметрами я могу объяснить слона, а с пятью заставить его покачивать своим хоботом». Он насмехается над теоретическими физиками. Всякий раз, когда они делают ложные предсказания, они добавляют параметр, чтобы объяснить, почему это предсказание было ложным.

И. Прись: Хотите ли Вы сказать, что с концептуальной точки зрения процедура ренормализации недостаточно хорошо понята? Как насчёт работ Конна и Краймера относительно концептуального понимания пертурбативной ренормализации?

Т. Шюкер: Это то, что я имею в виду. Конн и Краймер значительно упростили очень сложные вычисления в ренормализуемых пертурбативных теориях и связали их с алгебрами Хопфа. Алгебры Хопфа близки к некоммутативной геометрии. Поэтому мы были очень взволнованы этим открытием.

Это та же самая история. Мы были удовлетворены теориями с конечным числом параметров. И тем не менее, теории с бесконечным числом параметров, подобно эпициклам, снова вошли в моду. Примером теории с бесконечным числом параметров является инфляционная теория. Эта теория очень популярна. Бесконечное число параметров имеет тёмная энергия. Они скрыты, но они есть. Теория MOND, то есть модифицированная ньютоновская динамика, тоже имеет бесконечное число параметров. Теория $f(R)$ – функция скалярной кривизны – имеет семейство параметров; она предназначена заменить общую теорию относительности Эйнштейна, которая имеет только две постоянные – постоянную Ньютона и космологическую постоянную. Для меня совершенно непонятно, каким образом можно вернуться к таким теориям, как эпициклы!

И. Прись: ОК. Спасибо! Профессор Шюкер, а что Вы думаете о роли принципа красоты в физике? Например, Сабина Хоссенфельдер (Sabine Hossenfelder), немецкий физик, между прочим, написала книгу: «Das hässliche Universum» (до-

словно: уродливая, некрасивая вселенная)¹⁰. Она считает, что вселенная (универсум) беспорядочная (*messy*), и не может быть описана красивой теорией. Фрау Хоссенфельдер считает, что в физике есть проблемы. Причина в том, что физики пользуются устаревшими понятиями красоты. Но она верит в существование новых форм красоты. Новые идеи возникнут вместе с их собственными новыми формами красоты. Но в настоящее время физика находится в кризисе. Считаете ли Вы, что это так?

Т. Шюкер: Да, я знаю об этой книге. Я уже говорил: «красота в глазах смотрящего». Это очень индивидуально, красивы ли цветок или женщина. Я хотел бы привести несколько высказываний. Леонардо да Винчи, конечно, многое знал о красоте. Я люблю следующие его слова: «Простота – последняя изощрённость (*ultimate sophistication*)». Он говорит не о красоте, а об изощрённости. С другой стороны, по словам Вернера Гейзенберга, «вселенная не только более странная, чем мы думаем, но и более странная, чем мы можем думать». Он говорит не об «уродливой» или «беспорядочной» вселенной, а о «странной (*strange*)» вселенной. У Джона фон Неймана тоже есть мнение на этот счёт: «Истина слишком сложна, чтобы быть чем-то другим, кроме приближения».

Я думаю, что мы можем согласиться с тем, что вселенная (мир) сложна. Но это, быть может, источник очарования, когда мы пытаемся её наблюдать. Если бы это было слишком просто, прозрачно, если бы не надо было прикладывать усилий, чтобы что-то увидеть и понять, то было бы скучно. Поэтому я бы не сказал, что вселенная уродлива. Но я сказал бы, что уродливым наш мир делает человек.

И. Прись: Я согласен с Вами.

Т. Шюкер: Я хотел бы процитировать Бертрана Рассела. Это ещё один философ, который в то же время математик и физик. Бертран Рассел сказал: «В университетах математика преподаётся в основном мужчинам, которые собираются преподавать математику мужчинам, которые собираются преподавать математику... Иногда, правда, с этой беговой дорожки удастся соскочить. Архимед использовал математику для убийства римлян, Галилей – для улучшения артиллерии великого герцога Тосканского, современные физики (ставшие более амбициозными) – для истребления человеческой расы. Обычно именно по этой причине изучение математики преподносится широкой публике как достойное государственной поддержки»¹¹. Я думаю, что сегодня к безобразной картине мы можем добавить инженеров и климатическую катастрофу.

¹⁰ Английское издание: Hossenfelder S. Lost in Math: How Beauty Leads Physics Astray. Basic Books. 2018. – Прим. пер.

¹¹ Russell B. Human Society in Ethics and Politics. Routledge, 1954, p. 43.

И. Прись: Верите ли Вы в существование фундаментальной Теории Всего?

Т. Шюкер: Я не верю в какую-либо Теорию Всего – красивую, фундаментальную или какую-либо ещё. И у меня есть красивый пример, который достаточно хорошо известен. В 1874 г. Макс Планк был юным студентом, только начавшим изучать физику. Лектором по физике у Планка был Филипп фон Жолли¹². Он попытался отговорить его заниматься физикой. Аргумент (*reason*) был следующий: «В этой области почти всё уже открыто. Всё, что остаётся, – это заполнить несколько несущественных пробелов». К счастью, Планк не принял во внимание его мнение и не просто заполнил небольшой пробел, а открыл новый мир – мир квантовой механики. Позже, кажется, в 1970 г., Стивен Хокинг более или менее повторил то, что сказал фон Жолли, а именно что у нас уже есть Теория Всего. Он думал, что такой теорией является супергравитация.

10

И. Прись: Какие, на Ваш взгляд, в настоящее время наиболее важные проблемы, которые физика пытается решить?

Т. Шюкер: Несомненно, понимание квантовой механики, а также квантовой теории поля и квантовой гравитации. Ричард Фейнман сказал: «Я думаю, можно уверенно сказать, что никто не понимает квантовую механику». Я думаю, что это ещё верно и сегодня, несмотря на большой прорыв в квантовой механике – понимание явления квантового спутывания. Квантовое спутывание не просто абстрактная физика, оно уже используется на коммерческом уровне. Примером является обмен зашифрованной информацией между швейцарскими банками в Женеве и Лозанне, расстояние между которыми 100 километров.

И. Прись: Что Вы понимаете под «пониманием»? Как могло бы выглядеть понимание квантовой механики?

Т. Шюкер: Я не знаю. Возможно, это вопрос о коллапсе волновой функции. Или вопрос перехода из квантового мира в макроскопический. Разбудите меня через 200 лет и спросите: «Как насчёт квантовой механики? Как Вы понимаете теперь квантовую механику?».

И. Прись: ОК, я это сделаю. (*смех*)

Какие, на Ваш взгляд, у физики перспективы развития?

Т. Шюкер: Я вижу две немедленные перспективы: гравитационные волны – это новое окно во вселенную, и квантовое спутывание – тоже окно в новый мир. Очевидно, что этот мир будет изучен, подобно этой чёрной доске. Исследования

¹² В лаборатории Жолли в Мюнхенском университете Планк провел свое первое экспериментальное исследование. – *Прим. пер.*

будут направляться некоторыми теоретическими предсказаниями, которые есть у различных школ квантовой механики, фальсифицируя или верифицируя их. Несомненно, будет прогресс.

И. Прись: Какие у Вас исследовательские планы на будущее?

Т. Шюкер: Я вместе со своими коллегами, теоретиком Гальяно Вален (Galliano Valent), который тоже на пенсии, и экспериментатором Андре Тильке (Andre Tilquin), который ещё не на пенсии, но скоро уйдёт на пенсию, работаю в течение нескольких лет над космологическим принципом. Мы пытаемся понять минимальное нарушение симметрии космологического принципа. Это не решит проблему релятивистской переформулировки космологического принципа целиком, так как речь идёт всего лишь о минимальном нарушении симметрии.

И. Прись: Профессор Шюкер, большое спасибо за это интервью. Мне доставило большое удовольствие беседовать с Вами. Всего Вам самого наилучшего!

Т. Шюкер: Спасибо за любезное приглашение на интервью.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись

доктор философии (Парижский университет), кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Information about the Author

Igor E. Pris

PhD in Philosophy (U. de Paris-Sorbonne), Candidate of Sciences (Physics),
Leading Researcher, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences
of the Republic of Belarus

Статья поступила в редколлегию 07.02.2022;

одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.02.2022

The article was submitted 07.02.2022;

approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 25.02.2022

Рецензия на монографию

УДК 1:001.8

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-99-105

**Философия о цифровой версии мира:
от фундамента к практикам**

Рецензия на книгу:

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.

**Судьба интеллекта и миссия разума: философия
перед вызовами эпохи цифровизации: Монография.
М.: Проспект, 2021**

Елена Владимировна Брызгалина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
evbrz@yandex.ru

Аннотация

В публикации представлена рецензия на монографию Алексеева Александра Петровича и Алексеевой Ирины Юрьевны «Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации». Авторы системно и глубоко анализируют теоретико-познавательные, социально-философские, философско-антропологические проблемы, возникающие при динамичной цифровизации всех сфер жизни общества. Авторское представление общества как интеллектуальной системы высокой степени сложности позволяет осмыслить концепции разума и интеллекта в связи с разработкой и внедрением систем искусственного интеллекта. Особый интерес представляет раскрытие авторами потенциала философского инструментария при противодействии манипулятивным технологиям в цифровой среде. Монография рекомендуется читателям, заинтересованным в достижении понимания сущности процессов цифровизации, философских оснований и перспектив развития технических интеллектуальных систем.

Ключевые слова

философия науки и техники, философия искусственного интеллекта, цифровизация, цифровая революция, информационное общество

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»

© Брызгалина Е. В., рец., 2022

Для цитирования

Брызгалина Е. В. Философия о цифровой версии мира: от фундамента к практикам. Рец. на кн.: Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации: Монография. М.: Проспект, 2021 // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 99–105. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-99-105

Philosophy of the Digital Version of the World: From the Foundation to the Practices

Book Review:

**Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. The Fate of Intelligence
and the Mission of Reason: Philosophy before the Challenges
of the Era of Digitalization. Monograph.
Moscow, Prospect, 2021**

Elena V. Bryzgalina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
evbrz@yandex.ru

Abstract

The publication presents a review of the monograph by Alekseyev Alexander Petrovich and Alekseeva Irina Yurievna "The Fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the era of digitalization". The authors systematically and deeply analyze the theoretical and cognitive, socio-philosophical, philosophical and anthropological problems that arise during the dynamic digitalization of all spheres of society. The author's representation of society as an intellectual system of a high degree of complexity makes it possible to comprehend the concepts of reason and intelligence in connection with the development and implementation of artificial intelligence systems. Of particular interest is the disclosure by the authors of the potential of philosophical tools in countering manipulative technologies in the digital environment. The monograph is recommended to readers interested in achieving an understanding of the essence of digitalization processes, philosophical foundations and prospects for the development of technical intelligence systems.

Keywords

philosophy of science and technology, philosophy of artificial intelligence, digitalization, digital revolution, information society

Acknowledgements

The work was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Brain, cognitive systems, artificial intelligence"

For citation

Bryzgalina E. V. Philosophy of the Digital Version of the World: From the Foundation to the Practices. Book Review: Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. The Fate of Intelligence and the Mission of Reason: Phi-

losophy before the Challenges of the Era of Digitalization. Monograph. Moscow, Prospect, 2021. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 99–105. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-99-105

Современный технологический путь развития мировой цивилизации в силу сложности происходящих процессов и неоднозначности возможных последствий требует философской глубины анализа. Системная концептуализация настоящего и будущего цифровизации отличает работу отечественных философов Александра Петровича и Ирины Юрьевны Алексеевых. Развитые исследовательские компетенции позволили авторам методически точно и понятийно строго выстроить аргументацию, развивающую результаты исследований, отраженные в ранее опубликованных работах. Имеющийся высокий запрос на философский уровень рефлексии позволяет авторам рассчитывать на широкую аудиторию монографии под названием «Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации», фиксирующим самые актуальные направления философской мысли.

Первый раздел работы «Интеллект. Коммуникация. Власть» вводит читателя в синтетическое пространство взаимодействия научного и философского понимания интеллекта, коммуникативных теорий и практик, а также властных отношений. Авторами осуществляется детальное препарирование определений и подходов, что, однако, не мешает читателю видеть связь между представлением об интеллекте как разворачивающемся интеллектуальном процессе и становлением кибернетического движения, являющегося основанием технического воплощения в механизмах передачи, хранения и обработки информации. Авторы монографии метко применили конструкт «осевое время» при анализе истории искусственного интеллекта, что позволило осветить для читателя широкий спектр культурно-цивилизационных программ, выступивших фундаментом развития вычислительной техники, а в последующем и искусственного интеллекта.

Отличие этой монографии в широком, крайне уважительном представлении отечественной традиции обращения гуманитаристики к различным аспектам цифровизации. Например, к проблемам человека, оказавшегося в «цифровой пещере» (В. В. Миронов) или к процессуально-деятельностному подходу в изучении интеллекта (С. Л. Рубинштейн). Читателю будет интересен исторический экскурс в проекты создания машин для выполнения интеллектуальных операций (в частности, включение в современный контекст идей Семена Корсакова) и фиксация ключевых положений в философских дискуссиях XX века (С. Яновская, Л. Баженов, Э. Ильенков, А. Брушлинский и другие авторы). Удачей авто-

ров является представление оригинальных отечественных научных и философских идей и концепций без отрыва от мирового научного контекста, что создает многомерную интеллектуальную панораму.

В обсуждении будущего естественного и искусственного интеллекта авторам монографии удалось максимально использовать эвристические возможности дилеммы Коллингриджа при анализе перспектив человека и культуры. Напомню, что, согласно этой дилемме, при незначительной распространенности технологии отдаленные следствия неясны, однако существуют возможности контролировать эту технологию, но при широком внедрении технологий с одно-временным прояснением как позитивных, так и негативных ее последствий резко снижается возможность ее регулирования [Гребенщикова, 2018].

Часть работы, посвященная футурологии интеллекта, важна тем, что модели будущего описаны не столько с позиции технической достижимости, сколько с учетом базовых мировоззренческих и методологических вариантов решения взаимосвязанных проблем ответственности и власти в системе «человек-машина». Выявленная авторами тенденция обожествления искусственного интеллекта будущего демонстрирует сохранение и воспроизводство архетипических форм мышления о мире в интеллектуально-технологических контекстах. Актуальность анализа концептуальных оснований моделирования будущего искусственного интеллекта и в целом цифровой культуры имеет высокое практическое значение в современных условиях отработки каналов и механизмов этико-правовых стандартов социально-гуманитарной экспертизы научно-технических инноваций [Брызгалова и др., 2016].

Представленная вниманию широкой общественности, в том числе профессиональному философскому сообществу, монография значима как фактор определения актуальных тематических полей специализированных философских наработок в областях, с необходимостью требующих междисциплинарного развития. Так, исследователям стоит обратить внимание на вывод авторов монографии об актуальности целенаправленной разработки «понятия интеллект как самостоятельного философского понятия, не “растворяемого” в смежных (или более широких, или более узких, или “пересекающихся”) понятиях теории познания и сознания» [Алексеев, Алексеева, 2021, с. 62]. Естественный интеллект как сущностное свойство человека с развитием цифровых технологий получает беспрецедентные возможности для работы с информацией, однако возникающая деструкция ряда когнитивных способностей и перспективы деградации естественного интеллекта требуют, по мнению А. П. и И. Ю. Алексеевых, разработки и реализации «программ развития естественного интеллекта» в экономической, социальной, политической размерности функционирования интеллекта.

Рекомендую читателям обратить внимание на главу 2 «Аргументация и манипуляция в современных коммуникативных контекстах». В цифровой культуре расширение доступа к информационным ресурсам создает условия для использования манипулятивных средств воздействия, повышающих через управление вниманием уязвимость практически каждого человека. Эта ситуация требует овладения знаниями и умениями, которые «позволяют отличать манипуляционные воздействия от аргументационных, распознавать и анализировать аргументационные структуры, используемые в коммуникативных процессах, оценивать их логические, этические, прагматические, эстетические аспекты» [Алексеев, Алексеева, 2021, с. 82]. В совокупности эти знания и умения охарактеризованы авторами в монографии как «интеллектуальная оснащенность личности» [Там же, с. 87]. Предложенный авторами системный разбор аргументативного арсенала философии, востребованного для обеспечения информационно-психологической безопасности, имеет высокое практическое значение. Переосмысление задач риторики и образов идеального аргументатора и реципиента аргументации, представленные в тексте позициями множества отечественных и зарубежных исследователей разных специальностей, значимы для организации эффективных коммуникативных практик в условиях цифровизации всех сфер жизни общества. Практически применимы и идеи переосмысления текстовой философской традиции как средства самопознания культуры. Представляется, что обсуждение путей актуального обновления философского образования может учитывать позиции, выделенные авторами в части 2.4 «Неориторика философии».

В третьей главе «Общественно-культурные эффекты цифровой революции» авторы предлагают широкую панораму подходов к концептуализации формирования и развития информационного общества. Последовательно реализуя установку на актуализацию оригинальных отечественных наработок в обсуждаемых вопросах, авторы описывают идеи А. И. Ракитова о компьютерной революции как одну из первых в нашей стране концепций информационного общества. Точность авторских формулировок при обзоре, казалось бы знакомых общественности западных подходов к анализу концептов «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знания» (Ю. Масуда, Д. Белл, П. Дракер), позволяет читателям уточнить статус этих подходов как оснований развития информационно-технологической сферы.

Отмечу, что философское осмысление путей цифровизации, возможностей и ограничений этого множественного в своих проявлениях процесса, предпринятое в рецензируемой монографии, включает разбор программных управленческих документов разного уровня. Этот авторский ход позволяет соединить концептуальный уровень анализа с выявлением реальных социальных эффектов,

прояснить теоретические основания управленческих решений на глобальном и национальном уровнях, что является несомненным достоинством данной публикации. Зазоры и противоречия между концептуальным идеалом информационного общества и реальными проблемами распространения цифровых технологий авторы рассмотрели сквозь призму информационного неравенства. Культурная и экономическая размерность изменения социально-экономического уклада, представленная в понятиях «культурный империализм», «информационная демократия» и в ряде других понятийных конструкций, осмыслены в тексте как основания этико-правовых регулятивов оборота информации.

Высокая актуальность широкого видения информационной безопасности как теоретической и прикладной проблемы подтверждается в монографии не только фактами, но и интеллектуальной традицией гуманитарных наук. Для понимания феномена информационной (ментальной) войны как особого формата интеллектуального производства в современной политической ситуации авторы монографии обращаются к концепции М. Либицки, прикладным программам ряда стран и институций. Выявленная в монографии связь между пониманием человека и общества как сложных информационных систем, с одной стороны, и информационным противоборством, с другой стороны, позволяет в 4-й главе осмыслить общество как интеллектуальную систему, сформулировать представления об интеллектуальном суверенитете общества и роли интеллектуального класса.

Качество и уровень философской культуры, значимые для обеспечения интеллектуального суверенитета, могут быть сформированы и поддержаны системой образования. Разбор существующих механизмов оценки качества глобального образования и направлений реформирования отечественного образования и науки, подтвержденный в тексте главы 4 многочисленными примерами, может быть важен для принятия управленческих решений.

Прослеживаемая авторами монографии связь теоретических положений с практическими организационными решениями (например, модели общества в тектологии А. Богданова и управлением разбалансированностью образовательной политики) выявляет и поддерживает потенциал философии как средства анализа цифрового общества, моделирования перспектив и выработки эффективных практических решений, способных минимизировать ценностные конфликты и негативные социальные последствия технологических решений.

Монография, безусловно, не отвечает на все вопросы, но создает концептуальную рамку для дальнейших размышлений над сущностными перспективами развития общества и человека в нем.

Список литературы

- Алексеев А. П., Алексеева И. Ю.** Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации: Монография. М.: Проспект, 2021. ISBN 978-5-392-35239-5
- Брызгалина Е. В., Аласания К. Ю., Садовничий В. А. и др.** Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // *Вопр. филос.* 2016. № 2. С. 8–21.
- Гребенщикова Е. Г.** Гуманитарная экспертиза и дискурс антиципации // *Идеи и идеалы.* 2018. Т. 1, № 2. С. 100–111.

References

- Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu.** Sud'ba intellekta i missiya razuma: filosofiya pered vyzovami epohi cifrovizacii: Monografiya. Moscow, Prospekt, 2021. (in Russ.) ISBN 978-5-392-35239-5
- Bryzgalina E. V., Alasaniya K. Yu., Sadovnichy V. A. et al.** Social'no-gumanitarnaya ekspertiza funkcionirovaniya nacional'nyh depozitariev biomaterialov. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 8–21. (in Russ.)
- Grebenshchikova E. G.** Gumanitarnaya ekspertiza i diskurs anticipacii . *Idei i idealy*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 100–111. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Владимировна Брызгалина, кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the Author

Elena V. Bryzgalina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

*Статья поступила в редколлегию 26.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 26.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*

**Карпович
Валентин Никонович**

(07.02.1948 – 15.03.2022)

15 марта ушел из жизни Валентин Никонович Карпович, заместитель главного редактора журнала «Сибирский философский журнал», доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки Института философии и права НГУ.

Валентин Никонович родился в городе Кирсанове Тамбовской области 7 февраля 1948 года. В 1971 году окончил философский факультет МГУ, в 1974 году – аспирантуру в Институте философии РАН, в 1983 году защитил докторскую диссертацию «Логический анализ основных этапов становления теории» по специальности «логика». В 1980-х Валентин Никонович переехал в Новосибирск и навсегда связал свою жизнь с Академгородком. Оказал большое влияние на становление философского факультета НГУ, с 1995 по 2016 год заведовал одной из ключевых выпускающих кафедр – кафедрой логики и методологии науки.

Основные научные интересы лежали в области логики, философии языка и логической структуры социальной теории. Такие его монографии, как «Термины в структуре теории» (1978), «Проблема, гипотеза, закон» (1980), «Объяснение в социальном познании» (1989), «Наука и идеалы демократии» (совместно с В. В. Целищевым и Ю. М. Плюсниным) (2004), уже давно стали классическими.

Большая часть научной деятельности была связана с Институтом философии и права СО РАН.

Валентин Никонович был великолепным рецензентом, требовательным, но конструктивным критиком, выступая творческим наставником для десятков авторов Сибирского философского журнала. Он был прирожденным преподавателем, педагогом с большой буквы, интеллектуалом, обладавшим острым умом и огромной эрудицией, которой он щедро делился со студентами.

Редакция журнала «Сибирский философский журнал», преподаватели, студенты и сотрудники Института философии и права НГУ выражают искренние соболезнования родным и близким. Светлая память о Валентине Никоновиче навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег и учеников.

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

5.4 – Социология.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети «Интернет», в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегия рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы, город, страна на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, а также контактный телефон, электронный адрес автора, коды автора в Scopus, Web of Science (если есть)). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлгией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа A4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлгией.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список лите-

ратуры оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

Ссылки на архивные документы и документы из сети «Интернет» оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети «Интернет» кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

При оформлении ссылки на документы из сети «Интернет» обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора (см. образец ниже).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети «Интернет», если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии). Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Humanitarian and Social Research in the 21st Century**Ivan I. Ivanov**

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

*Abstract**Keywords**Acknowledgements*

Основной текст статьи

Список литературы / References

Информация об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006, pp. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок оформляются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуют пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

NB! Принятая система оформления списка литературы является адаптированной и переработанной версией оформления библиографии в соответствии со стандартом The Chicago Manual of Style. Просим учитывать различия в указании на русскоязычные и иностранные источники.

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002, с. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н.э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

References

Aristid. *Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]*. In: *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]*. In 25 vols. Ed. by A.G. Dunaev. St. Petersburg, Aletea Publ., 1999, vol. 1. *Afinskie gosudarstvennye deyateli V v. do n. e. [Athenian statesmen of the 5th century BC.]*, pp. 290–336. (in Russ.)

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

Tselishchev V. V. Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]. *Voprosy filosofii*, 2013, no 8, pp. 12–23. (in Russ.)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS